

СОВЕТСКИЙ ВЕК

ДЖОН СКОТТ

ЗА УРАЛОМ

**АМЕРИКАНСКИЙ РАБОЧИЙ
В РУССКОМ ГОРОДЕ СТАЛИ**

Советский век

Джон Скотт

**За Уралом. Американский
рабочий в русском городе стали**

«Алисторус»

1989

УДК 82-94
ББК 85.374

Скотт Д.

За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали /
Д. Скотт — «Алисторус», 1989 — (Советский век)

ISBN 978-5-00222-000-7

Джон Скотт — автор книги и главный герой отправился в далекий Советский Союз отчаявшись найти работу в США в годы Великой депрессии. Молодой, энергичный и неравнодушный человек предусмотрительно получил в США рабочую специальность сварщика и очень пригодился на строительстве Магнитогорского металлургического комбината и города Магнитогорска. Джон Скотт с полным правом написал «я помогал строить город, который возводили 170 миллионов советских людей» и новое общество, у которого были «собственные доменные печи». Автор книги приехал в Магнитогорск в 1932 году и уехал в 1938. Джон успел подтвердить свои рабочие навыки и заслужить уважение товарищей, став бригадиром сварщиков. Он учился по вечерам, закончил Комвуз и мог разбираться в советской идеологии на уровне рабочего — хозяина нового общества. Освоив еще несколько рабочих специальностей, поступил в вуз, чтобы стать инженером. Наконец, он не собирался уезжать «из России с любовью», он собирался счастливо жить в ней со своей избранницей Машей, уроженкой деревни Удомля Тверской области. И это всё за пять лет. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 82-94
ББК 85.374

ISBN 978-5-00222-000-7

© Скотт Д., 1989
© Алисторус, 1989

Содержание

Часть I	7
Глава I	7
Глава II	9
Часть II	10
Глава I	10
Глава II	14
Глава III	17
Глава IV	19
Глава V	23
Глава VI	27
Глава VII	29
Глава VIII	31
Глава IX	32
Глава X	34
Глава XI	38
Часть III	39
Глава I	39
Глава II	42
Глава III	43
Глава IV	46
Глава V	48
Глава VI	50
Глава VII	54
Глава VIII	56
Глава IX	57
Глава X	58
Глава XI	60
Глава XII	61
Глава XIII	63
Глава XIV	64
Глава XV	65
Часть IV	65
Глава I	65
Глава II	68
Глава III	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Джон Скотт
За Уралом. Американский
рабочий в русском городе стали

© Indiana University Press, 1989

© Перевод на рус. язык, Л. А. Гуреева, 1991

© Пер. с англ. – М.: Изд-во Моск. ун-та; Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991.

© ООО «Издательство Родина», 2023

* * *

«Это было моё государство»
Маше

Часть I

Кровь, пот и слезы

Глава 1

Решив уйти из Висконсинского университета в 1931 году, я сразу же открыл для себя новую Америку – Америку неурядиц, Америку, в которой молодым и энергичным энтузиастам предоставлялось мало возможностей применить свои способности.

Я был охвачен обычной жаждой странствий. Соединенные Штаты казались не подходящим для этого местом. Я задумал уехать куда-нибудь. До этого я уже три раза побывал в Европе. Теперь я хотел совершить экскурсию куда-нибудь подальше. Планы поездки на Аляску на мотоцикле, а оттуда в Сибирь и Китай на самодельной лодке так и не осуществились. Где я мог бы достать деньги на этот проект, и потом – что я стал бы делать в Китае? Вместо этого я начал искать работу в Нью-Йорке. Никакой работы не было.

Казалось, что-то случилось с Америкой. Я много читал о Советском Союзе и постепенно пришел к выводу, что большевики нашли ответы по крайней мере на некоторые из тех вопросов, которые американцы задавали друг другу. Я решил поехать в Россию работать, учиться и помогать в строительстве общества, которое, казалось, было и по меньшей мере на шаг впереди американского.

Прежде чем отправиться в Россию, я приобрел специальность, послушавшись мудрого родительского совета. Проработав несколько месяцев учеником сварщика на заводе «Дженерал электрик» в Шенектади, я получил удостоверение сварщика. Вооруженный этим удостоверением и рекомендациями Союза металлургов, активным членом которого я был, а также письмами от нескольких моих друзей, я отправился в Берлин, где обратился за разрешением на выдачу мне советской визы.

Около пяти недель я жил у друзей в Веддинге, ходил на коммунистические демонстрации и посещал бурные политические митинги, организованные различными партиями. Дела в Германии шли плохо. Меня потрясло, что тысячи крепких, здоровых мужчин и их семьи живут в *Laubenzkolonien* – немецких Гувервиллях, в то время как целые кварталы многоквартирных домов, где они жили до этого, пустовали. Я был уверен, что в Советском Союзе такое не может происходить. В положенные сроки советская консульская машина выдала из себя мою визу, и я отправился на поезде в Москву. Десять дней я метался между несколькими советскими организациями, пытаясь договориться об устройстве на работу. Трест сварщиков был бы очень рад предоставить мне работу. Им нужны были сварщики во многих местах. Тем не менее они не могли подписать со мной договор до тех пор, пока отдел виз не дал бы мне разрешение остаться в Советском Союзе в качестве рабочего. А эта последняя организация могла предоставлять такие разрешения только людям, имеющим работу. Ни одна из этих организаций ничего не хотела подтвердить письменно.

В конце концов договоренность была достигнута, и я выехал на поезде, идущем четыре дня до места под названием Магнитогорск, расположенного на восточных склонах Уральских гор.

Я был очень счастлив. В Советском Союзе не было безработицы. Большевики планировали свою экономику и предоставляли молодым людям много возможностей. Более того, им удавалось преодолеть фетишизацию материальных ценностей, которая, как учили меня мои добрые родители, была одним из основных зол нашей американской цивилизации. Я видел, что большинство русских едят только черный хлеб, носят один-единственный костюм до тех

пор, пока тот не распадется на части, и пользуются старыми газетами, чтобы писать письма и официальные бумаги, скручивать папиросы, делать конверты, а также при отправлении естественных потребностей.

Я собирался участвовать в построении этого общества. Я намеревался стать одним из множества таких людей, которым было наплевать, будет ли у них вторая пара обуви, но которые строили собственные доменные печи. Шел сентябрь 1932 года, и мне было 20 лет.

Глава II

В 1940 году Уинстон Черчилль сообщил британской нации, что ей нечего ожидать, кроме крови, пота и слез. Страна вела военные действия. Британскому народу это не нравилось, но большинство британцев мирилось с этим.

Начиная с 1931 года Советский Союз тоже вел войну, и люди проливали пот, кровь и слезы. Людей убивали и ранили, женщины и дети замерзали и погибали, миллионы голодали, тысячи проходили по судебным процессам и были расстреляны во время кампаний коллективизации и индустриализации. Я мог бы побиться об заклад, что только одна битва русских за создание черной металлургии повлекла за собой больше жертв, чем битва на Марне. В 30-е годы русские постоянно воевали.

Мне понадобилось очень мало времени, чтобы понять, что они едят черный хлеб в основном потому, что нет никакого другого, и носят лохмотья по той же причине.

В Магнитогорске я был брошен в битву. Я очутился на линии фронта чугуна и стали. Десятки тысяч людей терпеливо выносили невероятные трудности, чтобы построить доменные печи, и многие делали это по своей воле, охотно, с безграничным энтузиазмом, которым с первого дня своего приезда заразился и я.

Я окунулся в жизнь города со всем пылом и энергией, присущими молодости, одолел русскую грамматику, и через три месяца меня уже начали понимать. Я раздал большую часть одежды, привезенной из дома, и поэтому теперь был одет приблизительно так же, как и другие рабочие моей специальности. Я работал так усердно и хорошо, как только позволяли мои довольно-таки ограниченные профессиональная подготовка и опыт работы.

Я был щедро вознагражден. Мои товарищи по работе воспринимали меня как своего. Местные власти настаивали на том, чтобы я учился, и договорились, чтобы меня приняли в Комовую – Коммунистический университет, куда обычно принимали только членов Компартии. Они же помогли мне договориться о поездках по стране.

В то время как политические лидеры в Москве заключали договор и плели интриги, я работал в Магнитогорске вместе с простыми людьми.

Я работал в Магнитогорске пять лет. Я увидел, как построили великолепный завод. Я увидел много пота, крови и слез.

Часть II

День в Магнитогорске

Глава I

Громкий гудок электростанции долго, низко и глухо пробасил шесть часов. По всему широко раскинувшемуся городу-лагерю Магнитогорску рабочие вскакивали с постелей или коек, одевались, готовились к своему рабочему дню.

Я выкарабкался из своей постели и включил свет. Пока я будил своего соседа по комнате Колю, я наблюдал, как мое дыхание становится облачком пара в холодном воздухе комнаты. Мне каждое утро приходилось трясти его за плечо несколько секунд для того, чтобы он проснулся.

Мы застелили постели нашими грубыми коричневыми солдатскими одеялами и быстро оделись, – к счастью, у меня было американское хорошее длинное шерстяное белье, у Коли же не было ничего, кроме хлопчатобумажных трусов и трикотажной майки. Потом мы натянули на себя армейские рубашки, стеганные ватные штаны и куртки, теплые стеганные хлопчатобумажные брюки и поношенные овчинные полушубки, обмотали шею теплыми тяжелыми шарфами, а на ноги надели хорошие русские «валенки» – войлочные сапоги, доходящие до колен. Мы ничего не стали есть. У нас не было никаких продуктов, кроме нескольких картофелин и чая, и не хватило бы времени разжечь огонь в нашей маленькой самодельной железной печке. Мы заперли дверь и отправились на работу.

Это было в январе 1933 года. Температура воздуха была около тридцати пяти градусов ниже нуля.

Низинки были припорошены легким снежком, а на возвышенностях голая земля была тверда, как железо.

Несколько звезд потрескивало в холодном небе, на доменных печах мерцали электрические лампочки. Весь остальной мир был уныл, холоден и погружен в почти непроницаемый мрак.

Доменные печи находились на расстоянии двух миль, дорога была каменистой и неровной. Ветра не было, поэтому носы у нас не мерзли. Я всегда радовался, когда утром не было ветра. Это была моя первая зима в России, и я еще не привык к холоду.

У подножия доменной печи № 4 находился деревянный сарайчик. Это было нехитрое сооружение из досок, крыша которого была сделана из кусков рифленого железа, прибитых как попало. Большую часть единственной комнаты в этом сарайчике занимала огромная железная печь, укрепленная на основании из полудюймовой стали и находившаяся на равном расстоянии от каждой стены. Не позже половины седьмого мы с Колей бодро подошли к двери сарайчика и распахнули ее. В комнате было темно и холодно. Несколько мгновений Коля шарил в темноте, прежде чем нащупал выключатель и зажег свет. Комната освещалась большой пятисотваттной электрической лампочкой, свисавшей с потолка и заливавшей каждый уголок ослепительным светом. У стен стояли деревянные скамьи и старый стал, а в углу – две колченогие табуретки. Напротив входной двери находилось огромное подсобное помещение, где на стенах висели ацетиленовые сварочные аппараты, шланги и брандспойты, гаечные ключи и другие инструменты. На грязном полу в полном беспорядке валялись электроды и карбидные генераторы. В подсобке были два косоглазых окошка. На одной из стен подсобки висел телефон. Коле, мастеру-сварщику, было двадцать два года. Это был широкоплечий парень, довольно худой, и лицо его имело мертвенно-бледный оттенок, который, впрочем, был у многих людей, уви-

денных мной в Магнитогорске в 1933 году. Его взлохмаченные длинные волосы цвета древесных опилок выбивались из-под меховой шапки. Овчинный полушубок на нем был во многих местах порван, так как ему приходилось часто ползать, извиваясь как червяк, по узким проходам и трубам. Из прорех торчала овечья шерсть, напоминая усы польского таможенника. Подметки валенок протерлись. У него грязные, мозолистые руки, а лицо его и манера вести себя чрезвычайно энергичны.

Зазвонил телефон. Коля поднял трубку и хрипло сказал: «Кого вам? Да, это я. Нет, не знаю. Пока еще никого нет. Позвоните через полчаса». Он повесил трубку, расстегнул полушубок и высморкался на пол. Я пошел в подсобку и достал нашу аварийную плитку-обогреватель. Это было приспособление, состоявшее из железной рамы, обмотанной кое-как асбестовыми прокладками и трехмиллиметровой стальной проволокой. Я поставил ее рядом со столом, а Коля взял два конца проволоки и присоединил их к общей электропроводке на стене. Свет электрической лампочки слегка померк, раздалось гудение, по которому можно было понять, что у спирали низкое сопротивление – и меньше, чем через минуту спираль раскалилась докрасна. Коля удовлетворенно хмыкнул, перевернул патрон от лампочки, служивший чернильницей, и поставил его на пол рядом с обогревателем. Ожидая, чтобы чернила оттаяли, он выдвинул ящик стола и вытащил оттуда какие-то грязные ветхие бумаги.

Дверь отворилась, и на пороге появились две фигуры в овчинных полушубках. «Привет, ребята, как насчет огонька?» – сказал Коля, не поднимая головы. «Мы же не можем обогревать всю комнату электричеством». Два вошедших монтажника размотали шарфы, укутывавшие их до носа, сняли рукавицы и стерли налипший на ресницах иней. «Холодно, – сказал один из них. – Надо закурить». Они подошли к электроплитке, достали старую газету и мешочек с «махоркой» – очень дешевым сортом табака – и свернули из газеты самокрутки, по размеру напоминавшие гаванские сигары. Я сделал то же самое, и мы прикурили от электроплитки. Монтажники были довольно молоды. Их голубые крестьянские глаза смотрели ясно и просто-душно, но на давно небритых щеках и на лбу виднелись шрамы, оставшиеся после обморожения, руки огрубели и были покрыты грязью. Дверь снова отворилась, и в комнату вошел бородатый человек лет пятидесяти с небольшим. Он был такой высокий, что ему пришлось нагнуться, чтобы не стукнуться о притолоку. «Доброе утро, товарищи», – пророкотал он добродушно.

– Слушай, Кузьмин, – Коля поднял голову, – разожги печку, а? Если придет начальник и увидит, что здесь тепло, а включена только электрическая плитка, он такой шум поднимет!

– Кто это видел, чтобы начальник приходил сюда в половине седьмого? – сказал один из монтажников, пере катив свою огромную самокрутку в угол рта.

Кузьмин добродушно улыбнулся. «Ладно», – сказал он, не обращая никакого внимания на последнее замечание монтажника, и открыл дверцу большой железной печи. Видя, что Кузьмин и в самом деле собирается развести огонь, оба монтажника присоединились к нему, и через пять минут печка наполнилась дровами, большая часть которых была взята из кучи железнодорожных шпал рядом с сарайчиком. Когда Кузьмин вылил в печку около пинты бензина из горелки, Коля отвернулся и стал смотреть в другую сторону. Один из монтажников бросил спичку в поддувало, окна задрезбуждали от глухого взрыва, и в печи заревел огонь.

Один за другим приходили рабочие и тут же спешили к печке согреть замерзшие руки, ноги и лица. Примерно без двадцати семь вошел Иванов, мастер монтажников, пожал руку Коле и поднял телефонную трубку. Это был широкоплечий мужчина средних лет; на лице, изборожденном глубокими морщинами, в уголках рта застыло удивленное выражение. Поляк по национальности, он три года сражался в рядах Красной Армии, вступил в партию, а потом работал на строительстве мостов от Варшавы до Иркутска. После неудачной попытки дозвониться до склада и получить какие-то необходимые ему болты, Иванов повесил трубку и, взяв за руку Колю, сказал: «Пойдем посмотрим, что надо делать». На ходу запихивая в карман

свернутые в рулон планы и добродушно поругивая мороз, начальника склада, иностранцев, запроектировавших стальные конструкции с полуторадюймовыми болтами, и телефонистку, оба мастера вышли из сарайчика.

Тем временем железная печь раскалилась чуть ли не докрасна, а рабочие, окружавшие ее все более плотным кольцом, курили и разговаривали.

– Не знаю, что нам делать с нашей коровой, – сказал один молодой парень с паяльной лампой, которая была заткнута за пояс, сделанный из куска старой веревки. Он грустно потер подбородок тыльной стороной огрубевшей руки. Сквозь стены сарайчика, фундамент доменной печи, груды стропил и двухсотмильное пространство заснеженной степи он видел маленькую деревеньку, из которой уехал шесть месяцев назад.

– Мы две недели сюда добирались, – серьезно рассказывал он сварщику с бакенбардами, сидевшему рядом с ним. – Шли по степи, мешки несли на спине и гнали эту проклятую корову, а теперь она не дает молока.

– Чем же ты ее кормишь? – спросил сварщик задумчиво.

– Вот в том-то и дело, – сказал молодой подмастерье, стукнув по колену. – Надо же, пройти весь этот путь до Магнитогорска из-за того, что на строительстве есть хлеб и работа, и обнаружить, что мы даже корову прокормить не можем, не то, что себя. Кто-нибудь ел в столовой сегодня утром?

– Да, я пытался, – ответил один симпатичный парень, – только 50 граммов хлеба и этот чертов суп, который, кажется, сварен из спичек.

Он пожал плечами и сплюнул на пол между коленями.

– Ну что же, если мы собираемся строить доменные печи, то, я думаю, придется некоторое время есть поменьше.

– Конечно, – сказал другой сварщик на ломаном русском, – а ты думаешь, что где-нибудь лучше? У нас в Польше мы уже сколько лет ни разу хорошо не ели. Вот вся наша деревня и перешла советскую границу. Смешно – мы-то думали, что здесь побольше еды.

Владек – сварщик-поляк – был одним из множества людей, недовольных своей жизнью в Польше Пилсудского и буквально горевших энтузиазмом строить социализм. Это слово пересекло территорию Белоруссии и миновало заслон польских пограничников и цензуры. Все эти люди отправились в путь, взяв с собой только то, что могли унести, чтобы трудиться бок о бок с советскими рабочими. Когда Владек заговорил, все рабочие, стоявшие рядом с ним, повернулись и стали с интересом слушать.

– Послушай, – обратился к нему один молодой рабочий, – а почему вы в Польше не совершили революцию?

– Ты что же думаешь, они не пытаются это сделать? – спросил грузный монтажник. – Комсомол в Польше – организация замечательная.

Владек наморщил нос:

– Да, но это не так просто, как кажется, – заметил он спокойно. – Тебя сажают в тюрьму, тебя бьют, вот и попробуй – соверши революцию.

– Ну мне-то ты это не рассказывай, – сказал Кузьмин. – Наш полк на галицийском фронте восстал, мы перебили офицеров, освободили наших товарищей из тюрьмы, а потом вернулись домой и забрали землю.

В этот момент в комнату с шумом ворвался молодой атлетического сложения сварщик и протолкался к печке.

– Ну и мороз! – сказал, он, обращаясь ко всем находившимся в комнате. – Я думаю, мы сегодня не будем работать наверху. Один клепальщик замерз там вчера вечером. Кажется, он был в одной из труб рядом с предохранительным клапаном, и его так и не смогли найти до сегодняшнего утра.

– Правда? – сказали все в один голос. – А кто это был?

Но никто не знал. Это был просто один из тысяч крестьян и молодых рабочих, приехавших в Магнитогорск за хлебной карточкой, или потому, что жизнь в деревнях после коллективизации была довольно тяжела, а может потому, что они были полны энтузиазма и хотели строить социализм.

Глава II

К этому времени я более или менее согрелся и, обмотав лицо шарфом, вышел вслед за двумя мастерами. Они уже поднялись по шаткой деревянной лестнице и шли вдоль подножия доменной печи, разглядывая многотонные стальные конструкции, которые устанавливали со всех сторон. Над их головами висела газоотводная труба диаметром около трех метров, одна секция которой еще не была сварена. Слева от них вздымались громадные конические заплечики четвертой доменной печи. Мастера прошли через литейную к доменной печи № 3. Несколько лампочек тускло освещало место работ. Мелькали фигуры суетившихся людей: каменщиков, разнорабочих, механиков, электриков, которые готовились к дневной смене. Я догнал мастеров, и мы втроем забрались на верх домны № 3. Здесь мы увидели небольшую группу клепальщиков, молча стоявших вокруг бесформенной массы, лежавшей на деревянных мостках. Нам сказали, что это и есть замерзший клепальщик. Удостоверившись, что уже послали за носилками, чтобы отнести тело вниз, мы поднялись на самый верх посмотреть, какую работу предстоит сделать в этот день.

– Ну как учеба? – спросил Иванов. – Ты скоро техником будешь, да, Коля?

– Довольно трудно учиться, когда так холодно, – сказал Коля. – Мы берем с собой в класс рукавицы. Угля не хватает.

– Да, знаю, – сказал Иванов сочувственно. – Учиться трудно, но черт побери, если хочешь учиться, то надо потрудиться.

К тому времени, как раздался семичасовой гудок, в сарайчике уже собрался народ: монтажники, такелажники, сварщики, тесальщики и их помощники. В бригаде было много людей разных национальностей: русские, украинцы, татары, монголы, евреи; большинство были молоды, и почти все – вчерашние крестьяне, хотя некоторые – как Иванов – имели большой опыт работы в промышленности. Вот, например, Попов. Десять лет он был сварщиком и работал в полудюжине городов. Татарин Хайбулин никогда не видел лестницы, паровоза или электрического света, пока год назад не приехал в Магнитогорск. Его предки веками выращивали скот на равнинах Казахстана. Они имели весьма смутное представление о царском правительстве, однако им приходилось платить налоги и подати. До них доходили вести о восстании 1916 года в Киргизии. Они слышали рассказы об Октябрьской революции; они даже видели, как пришли отряды Красной Армии и прогнали нескольких богатых землевладельцев. Они ходили на митинги, организованные Советами, не очень ясно понимая, что это значит, но все это время жизнь их шла почти так же, как и прежде. А теперь Шаймат Хайбулин строил доменную печь – самую большую в Европе. Он уже умел читать и ходил на занятия в вечернюю школу, где осваивал профессию электрика. Он научился разговаривать по-русски, читал газеты. Его жизнь изменилась за один год больше, чем жизнь его предков со времен Тамерлана.

Иванов, Коля и я вошли в сарайчик как раз в тот момент, когда раздался гудок. Бригадир¹ тесальщиков уже стоял в центре комнаты, распределяя людей по участкам на время сегодняшних работ. Сварщики собирали электроды и застегивали свои полушубки. Некоторые осматривали шланги, смачно ругаясь, когда находили на них промерзшие места или когда возникали споры о сварочных аппаратах, генераторах или гаечных ключах. К тому времени, как умолк гудок, большинство людей уже вышли из комнаты, весело насвистывая, подшучивая друг над другом и ругая холода.

Мастера уселись вокруг стола. Непрерывно звонил телефон: на участке бессемерования чугуна нужен был сварщик; два монтажника из бригады, работающей на строительстве газо-

¹ Бригадир – небольшой начальник, «десятник», возглавляющий группу (бригаду) из 8–10 человек и подчиняющийся мастеру. – Примеч. автора.

провода в мартеновском цехе, не вышли на работу. Бригада не могла без них поднять и установить следующий отрезок трубы газопровода. Иванов ругал прогульщиков, их матерей и бабушек. Потом он вышел, чтобы попросить двух человек в другой бригаде. Коля составил список сварщиков и выполняемых ими работ. Он написал его на газете полузамерзшей жидкой грязью вместо чернил. Этот список был тем документом, на основании которого рабочим должны были оплатить сегодняшний труд. Он сунул список в карман и пошел смотреть, как обстоит дело с трубой газопровода. Я взял свою маску и отправился к домне № 3. По пути встретил Шабкова, бывшего кулака; это был здоровенный парень с красным лицом, веселый и добродушный, на левой руке у него не хватало двух пальцев.

– Ну, Джек, как дела? – спросил он, хлопнув меня по спине. С русским у меня пока еще было неважно, но все же я мог поддерживать простую беседу и понимал почти все, что говорили.

– Плохо, – ответил я. – Все наше оборудование замерзает. Половину времени ребята отогревают руки.

– Ничего, – сказал лишенный гражданских прав бывший кулак, а ныне бригадир монтажников. – Если бы ты жил там же, где и я, в палатке, ты бы не думал, что здесь так уж холодно.

– Я знаю, ребята, что вам тяжело приходится, – сказал подошедший к нам Попов. – Это все потому, что вы кулаки.

Шабков широко улыбнулся.

– Слушай, я не хочу затевать политическую дискуссию, но многие из тех, кто живет в «специальном» районе города, такие же кулаки, как и ты.

Попов засмеялся.

– Я бы не очень этому удивился. А вот скажи мне: как решали, кого надо раскулачивать?

– Ну, а, – сказал Шабков, – разве можно, черт подери, задавать такой вопрос человеку, старающемуся честным трудом искупить свои преступления. Хотя, между нами говоря, обычно, бывало, так: крестьяне – бедняки деревни – приходят на собрание и решают: «У такого-то шесть лошадей; колхоз не сможет хорошо работать, если у него не будет этих лошадей, а кроме того, он в прошлом году нанял человека помогать ему с уборкой урожая. Они дают знать в ГПУ – и этим все заканчивается. Этот человек получает пять лет. Его имущество конфискуют и передают новому колхозу. Иногда высылают всю семью. Когда пришли нас выселять, мой брат взял винтовку и несколько раз выстрелил в офицеров ГПУ. Они стали отстреливаться. Брата моего убили. От этого нам, конечно, лучше не стало. Нам всем дали по пять лет и отправили в разные места. Я слышал, что в декабре умер мой отец, но точно не знаю.

Шабков вытащил свой холщовый кисет, несколько свернутых газет и сунул все это Попову.

– Покуришь кулацкого табаку? – Он мрачно усмехнулся. Попов воспользовался этой возможностью покурить и скрутил сигарету.

– Да. Столько всего происходит, а мы об этом почти ничего не знаем. Но посмотри, сколько мы делаем. Через несколько лет мы в промышленности всех обгоним. У каждого из нас будут автомобили и не останется никаких различий между кулаками и остальными. – Попов драматическим жестом указал на высящуюся поблизости доменную печь. Потом он снова повернулся к Шабкову.

– Ты грамотный?

– Да, – ответил Шабков. – Я три года учился. Я даже немного алгебру знаю. Но теперь – на кой черт мне это? Даже если бы у меня было хорошее образование, мне бы все равно теперь не дали никакой другой работы кроме этой. Так зачем мне учиться? Да меня куда и не примут – разве что в начальную школу. А когда я добираюсь до дома, мне хочется только выпить и отдохнуть. – Шабков щелкнул по своему горлу указательным пальцем – для любого русского это был символический жест, обозначающий слово «выпить». Мы подошли к домне

№ 3. Шабков полез вверх по лестнице и исчез среди стальных конструкций. Попов, нахмурившись, смотрел ему вслед. Шабков был одним из лучших бригадиров на всем предприятии. Он не жалел ни себя, ни тех, кто работал под его началом, и у него была хорошая голова на плечах. И все же он был кулак, отбывающий срок наказания, живущий в специальном районе города под наблюдением ГПУ. Это был классовый враг. Да, непонятно все это, странно. Этому Попов так и не мог понять.

Я и Попов начали сваривать отрезок отводной трубы на доменной печи. В первый час работы он дал мне отдохнуть, занявшись сваркой. Потом мы поменялись. С высоких лесов, почти в ста футах от земли, мне было видно, как Коля обходит свою бригаду из тридцати человек, помогая тем, у кого что-то не ладится, и ругая их, когда они слишком долго просиживают, грея руки. Люди в ответ тоже ругали Колю: то за шаткие леса, то за низкую зарплату.

Глава III

Было около четверти десятого, когда я закончил одну сторону трубы и обошел ее вокруг, чтобы приступить к сварке другой части. Мостки были покрыты дюймовым слоем льда, как и все вокруг доменных печей. Пар, подломавшийся из большого резервуара с горячей водой, конденсировался и образовывал слой льда. Но помимо того, что было скользко, мостки и сами по себе были очень ненадежны, потому что висели на тросах и раскачивались. Когда я ходил по ним, то они шатались и тряслись. Я всегда старался держаться за что-нибудь, если это было возможно. Не успел я приступить к сварке, как услышал чей-то крик, и что-то со свистом пролетело вниз мимо меня. Это был монтажник, работавший на самом верху.

Он, как мячик, стукнулся об отводную трубу, которая, вероятно, спасла ему жизнь. Вместо того, чтобы упасть прямо на землю с огромной высоты, он приземлился на основной платформе, футы в пятнадцати подо мной. К тому времени, когда я до него добрался, у него изо рта била кровь. Он пробовал крикнуть, но не мог. Ни одного мастера поблизости не было, а полдюжины подбежавших рабочих не знали, что делать. Поскольку я был иностранцем, то пользовался некоторым авторитетом. Я протиснулся вперед и сказал, что он может истечь кровью и умереть, если мы будем ждать, пока принесут носилки, так что мы втроем подняли его и понесли вниз на станцию скорой помощи. Примерно на полпути кровотечение ослабело, и он начал кричать при каждом нашем шаге. Я и сам был в состоянии шока, пока мы наконец не добрались до места, а два молодых монтажника дрожали как осиновый лист. Мы внесли его в маленькое деревянное здание, и медсестра, закутанная в теплый платок поверх белого халата, показала нам, куда его положить.

– Я жду доктора с минуты на минуту, – сказала она. – Это хорошо, а то я просто не знаю, что с ним делать.

В горле у монтажника клокотало и булькало, он стонал. Глаза его были широко открыты, и, казалось, он был в сознании, но ничего не говорил.

– Мы вообще-то должны его раздеть, но здесь так холодно, что я боюсь это делать, – сказала медсестра. Как раз в эту минуту вошел доктор. Я его знал. Он как-то раз делал мне перевязку, когда мне на ногу упал кусок чугунной чушки. Он снял тулуп необъятных размеров и вымыл руки.

– Упал? – спросил он, кивком головы указывая на монтажника.

– Да, – ответил я.

– Когда это произошло?

– Около десяти минут назад.

– А это что? – спросил доктор, глядя на медсестру и показывая ногой в угол комнаты. Я тоже посмотрел в ту сторону и только теперь заметил пару поношенных валенок, торчащих из-под очень грязного одеяла на полу.

– Ему на голову балка упала, – ответила медсестра.

– Ну, – сказал доктор, засучивая рукава, – посмотрим, что можно сделать для этого парня.

Он подошел к монтажнику, который теперь лежал очень тихо, глядя на старого бородастого доктора голубыми глазами, полными слез. Я повернулся и хотел было уйти, но доктор остановил меня.

– Когда будете выходить, пожалуйста, позвоните в фабричный отдел здравоохранения и скажите им, что мне просто необходимо, чтобы здесь лучше топили, – попросил он.

Я сделал все, что мог: позвонил по телефону и на своем ломаном русском постарался им передать эту просьбу, но единственное чего добился в ответ, было:

– Товарищ, к сожалению, угля нет.

Я, пошатываясь, возвращался обратно к отводной трубке домны № 3, когда меня окликнул Коля.

– Не ходи пока наверх, на том генераторе, от которого работал твой сварочный аппарат, перегорели щетки. Их починят не раньше, чем через полчаса.

Я пошел к конторе вместе с Колей и рассказал ему о монтажнике. Меня трясло от ярости, и я заговорил о том, что надо тщательно проверить все мостки и леса. Колю это не заинтересовало. Он сказал, что для хороших подмостков не хватает досок, что монтажники – это в основном деревенские парни, которые и понятия не имеют, что надо быть осторожными и что при тридцати пяти градусах ниже нуля, да еще не позавтракав, не очень-то обращаешь внимание на то, что следовало бы заметить.

– Конечно, люди падают и будут падать. Но мы ведь все равно будем строить доменные печи, правда? – И он махнул рукой в сторону доменной печи № 2, над которой виднелось красное зарево, отбрасываемое расплавленным чугуном. Коля увидел, что я не удовлетворен его ответом. «Надо дать этому слегка изнеженному иностранцу – маменькину сынку немного успокоиться», – наверное, подумал Коля. Он похлопал меня по спине.

– Пойдем в контору. Сейчас у нас начнется техническое совещание. Тебе будет интересно.

Глава IV

Часов в десять утра в деревянном сарайчике собралась группа людей, совсем не похожих на тех, кто был здесь три часа назад. Первым появился Семичкин, начальник производства. Потом пришел мистер Гаррис, американский консультант-специалист, со своим переводчиком, а вслед за ним – Тищенко, грузный, угрюмый специалист-заключенный². Они пришли в сарайчик друг за другом, расстегнули свои пальто, погрели руки и затем приступили к обсуждению чертежей и планов. Мистер Гаррис достал пачку туго набитых сигарет «Кузбасс», продававшихся в специальном магазине для иностранцев. Он протянул ее и, улыбаясь, предложил всем закурить. Никто не отказался. Только что вошедший Коля присоединился ко всем остальным и тоже взял одну сигарету.

– Ну, – сказал мистер Гаррис через своего немногословного переводчика, – и когда вы думаете закончить клепальные работы в верхней части домны № 3? Мне сообщили о новых сроках завершения работ. Вся верхняя часть должна быть закончена к двадцать пятому числу. Остается десять дней.

Главный инженер Тищенко пожал плечами. Осужденный за саботаж по делу Рамзина в 1929 году, он сначала был приговорен к расстрелу, потом приговор заменили на более мягкий, и теперь он отбывал десятилетний срок наказания в Магнитогорске. Тищенко ответил не сразу. Он вообще был скуп на слова. До революции он работал ответственным инженером в одной бельгийской компании на Украине. Тогда у него был собственный дом, он играл в теннис с британским консулом, отправил сына в Париж учиться музыке. Теперь это был старый, совершенно седой человек. С 1917 года он слышал много разговоров, и решил для себя, что большинство из них пусты и бесполезны. Он выполнял свою работу методично, но без энтузиазма. Он хотел думать, что помогает строить сильную Россию, где когда-нибудь жизнь будет лучше, чем у его сына в Париже или у его сестры в Лондоне. Хотя сейчас это, конечно, было еще не так.

Мистер Гаррис взглянул на Тищенко. Он понимал положение и точку зрения этого старого человека и уважал его молчание. Однако он был инженером-консультантом, которому платили кругленькую сумму в американских долларах, снабжали его икрой в стране, где не хватало хлеба и совсем не было сахара для того, чтобы он продвигал строительство Магнитки. Он настойчиво добивался ответа на свой вопрос. И наконец, Тищенко медленно произнес:

– Прошлой ночью замерз и умер один клепальщик. Холод и плохое питание. Сегодня утром четверо из тех девушек, которые должны нагревать заклепки, не вышли на работу. Две из них беременны, а наверху, я думаю, холодно. Плохо работает компрессор.

Он замолчал, понимая, что все это не имеет никакого отношения к обсуждаемому вопросу. Если он скажет, что работа будет закончена к двадцать пятому, то он будет лжецом и лицемером, и мистеру Гаррису это тоже будет понятно. Если же он скажет, что на это потребуется больше времени и в этот срок не уложиться, то тем самым он саботирует решение наркома тяжелой промышленности. Он уже отбывает срок наказания за саботаж. Тищенко посмотрел на пыльное окно.

– На это потребуется по меньшей мере месяц, – произнес он.

– У меня приблизительно такое же мнение, – сказал мистер Гаррис, – но кое-что придется сделать, и притом немедленно, иначе понадобится еще больше времени.

² Специалисты-заключенные – несколько тысяч видных инженеров и ученых, осужденных за антисоветскую деятельность в конце двадцатых годов и высланных в отдаленные промышленные города и на стройки, где они работали на ответственных административных и технических постах. – Примеч. автора.

Они достали свои карандаши, чертежи, планы и начали спокойно и серьезно обсуждать, какие меры необходимо предпринять, чтобы обеспечить окончание работ наверху домны № 3 за время, в три раза превышающее отпущенное.

Сёмичкин наблюдал. Его отношение к разговору было двойственным. Этим «буржуйам» непонятно, что такое большевистские темпы. Они не понимают рабочий класс. Однако они разбираются в доменных печах – и намного лучше, чем он сам. У них за плечами многолетний опыт строительства сталелитейных предприятий в нескольких странах, в то время как он, Сёмичкин, всего лишь год назад закончил высшую школу, пройдя довольно поверхностный курс обучения инженерному делу. Когда дело касалось таких вопросов, как сооружение фурмы или расположение водяных рубашек – кессонов, то эти два человека наизусть знали, как была построена любая большая доменная печь в мире. Он же, Сёмичкин, смутно представлял себе, где находится Берлин, и знал, что Париж находится еще дальше.

Дверь отворилась, и вошел Шевченко. Это был один из самых больших активистов среди технического персонала. Его подчиненные называли его инженером, но на самом деле он закончил только Институт красных директоров, вступил в партию в 1923 году, был профсоюзным деятелем, партийным работником и директором большой стройки в Донбассе. У него были довольно ограниченные познания в технике, и по-русски он писал с ошибками. Сейчас это был заместитель директора строительства, возглавлявший работу одного из участков. За выполнение планов по строительству он отвечал перед Директором и партийным руководством.

Но Шевченко еще много лет назад понял, что для него гораздо важнее сделать так, чтобы казалось, будто он со своим делом справляется, у него все в порядке, нежели чтобы работа в целом шла как можно быстрее. Это на собраниях хорошо говорить о строительстве социализма и Урало-Кузнецкого комбината; для него эти вопросы были трюизмами, аксиомами, которые надо знать, но этого было недостаточно для удачной карьеры большевика-администратора. В любой гонке только один человек может прийти первым. И самым существенным для Шевченко было, чтобы первым был он, даже если для этого надо было помешать успехам своих конкурентов любыми имеющимися в его распоряжении способами. Заслугой Сталина перед историей будет успешное построение социализма в одной стране. Шевченко же за свои заслуги будет награжден орденом Ленина, если ему удастся убедить Москву, что по причинам объективного характера строительство доменной печи № 3 никак не может быть закончено раньше июня, а к этому времени, если все пойдет хорошо, она уже вступит в строй и будет давать продукцию. Таким образом, основные усилия Шевченко были направлены на то, чтобы найти «объективные» или же политические причины того, что его организация не может уложиться в чрезмерно амбициозные сроки строительства, данные Москвой, о которых все знали, что выполнить их невозможно.

Однако Шевченко, помимо всего прочего, был хорошим администратором и пылким оратором, чьи слова имели вес в рабочей среде. Он много и упорно работал, особенно, когда знал, что его начальство за ним наблюдает, и требовал строгой дисциплины от своих подчиненных. Когда он вошел в комнату, Тищенко обернулся и кивнул ему; мистер Гаррисон улыбнулся и протянул ему руку. Коля и я были недостаточно важными персонами, чтобы обмениваться личными приветствиями с заместителем директора.

– Вы уже видели новый приказ? – воинственным тоном спросил Шевченко, подойдя к столу и небрежно поздоровавшись за руку с Гаррисом и Тищенко.

– Да, – ответил по-русски мистер Гаррис, который понял Шевченко без помощи своего переводчика.

– Ну, и...? – Шевченко перевел взгляд с одного на другого.

Сёмичкин, Коля и я слушали с большим интересом. Все мы понимали, что Шевченко – грубиян и карьерист. Но, по-видимому, нужны были именно такие люди, чтобы двигать

дело вперед, преодолевать многочисленные трудности, побуждать рабочих выполнять свою работу несмотря на холод, плохие инструменты, недостаток материалов и неважное питание. Чтобы построить Магнитогорск, люди требовались самые разные. Это было ясно. И Семичкин, хорошо понимавший свои ограниченные возможности, был пока удовлетворен тем, что получает свои пятьсот рублей в месяц, выполняет более или менее автоматически не требующие особого напряжения обязанности начальника производства и наблюдает за тем, как работают его руководство и подчиненные. Коля был первоклассным мастером, и больше всего ему хотелось стать инженером и быстрее закончить строительство социалистических доменных печей. Я же был случайный человек, американец, которого судьба забросила в Магнитогорск и сделала здесь электросварщиком.

Мистер Гаррис быстро писал цифры на листке бумаги. Он подозвал к себе Шевченко и начал зачитывать список материалов, необходимых для завершения работ в верхней части домны № 3, ни одного из которых не было.

– Ну, мистер Шевченко, – сказал американец, – приказы есть приказы, но вы не можете клепать при помощи них сталь, и заклепки ими нагревать – вы тоже не можете. У нас должны быть эти материалы, иначе работа не будет закончена даже к следующему рождеству. Вы имеете влияние в партийных органах и строительном управлении. Так что доставать материалы – это ваша задача.

Шевченко знал, что это верно. Однако, по словам Гарриса, получалось, что именно он, Шевченко, и есть тот самый человек, который делает свое дело не так, как следовало бы. Это его не устраивало и потому не могло остаться без ответа. Заместитель директора разразился длинной тирадой. Он цитировал Маркса и Сталина, помянул и судебное следствие по делу группы Рамзина, и иностранных шпионов, и оппортунизм.

– Поскольку мы находимся в окружении враждебных капиталистических государств, мы вынуждены проводить индустриализацию нашей великой державы в кратчайшие сроки, делая все возможное, не щадя никого. Магнитогорск – это важнейший центр тяжелой индустрии в Советском Союзе. Сюда были вложены миллионы рублей, тысячи рабочих приехали из всех уголков страны. Наше государство ждет от нас чугуна и стали. Мы собрали здесь все необходимые материалы и оборудование для строительства двух новых доменных печей. Они должны быть возведены и пущены в строй в ближайшее время, а если вас послушать, то можно подумать, что вся работа должна быть остановлена из-за того, что не хватает нескольких клепальных машин и заклепок. Вот Вы, Тищенко, у Вас тридцатилетний опыт работы, а Вы здесь сидите и ничего не делаете. Неужели же Вы ничего не можете придумать, каким образом сделать так, чтобы работы продолжались, и как преодолеть эти препятствия? Или, может быть, Вас это не интересует? Может быть, Вы еще ничему не научились за последние пятнадцать лет?

Произнося эту речь, построенную по всем правилам ораторского искусства, Шевченко распался все больше и больше. Его лицо покраснело, он делал руками широкие жесты. Доказав свою правоту, объяснив политику партии старому вредителю и иностранному специалисту и, таким образом, сложив с себя само собой разумеющиеся в этой ситуации политические обязательства, он взял одну из сигарет мистера Гарриса, придвинул табуретку поближе к столу и стал просматривать список материалов, сделанный американцем. Сомневаться не приходилось: никакое количество пролетарского энтузиазма, никакие речи не могли заменить полуторадюймовые заклепки. Шевченко взялся за телефон. Он позвонил начальнику склада, потом начальнику отдела снабжения всего комбината и, наконец, своему личному другу, работавшему на прокатном стане. Он разговаривал спокойно, по-дружески. Было упомянуто о том, что завтра вечером можно слегка выпить. Затем вскользь был задан вопрос о полуторадюймовых заклепках. Когда Шевченко повесил трубку, он проворчал:

– Я думаю, что заклепки мы получим.

Все четыре человека, весьма разношерстная компания: инженер из Кливленда, специалист-заключенный, красный директор и молодой, неопытный советский инженер – сели за стол, чтобы обсудить остальные пункты из списка мистера Гарриса.

Глава V

В одиннадцать часов раздался гудок, и рабочие спустились с балочных ферм, навесов и трубопроводов, чтобы пообедать. Я с завистью рассматривал сварной шов, сделанный Поповым на отводной трубе. Это был один из лучших швов, которые я когда-либо видел. Попов был классным сварщиком строительной стали – такой же хороший или даже лучше, чем любой из сварщиков, у которых я учился на заводе компании «Дженерал электрик» в Шенектади.

Попов постукал по перекладинам стальной лестницы, чтобы размять затекшие и замерзшие руки, а потом мы пошли вниз. Наши лица были ярко-красными от холодного ветра. Спустившись на землю, мы присоединились к Шабкову и группе монтажников, которые перед этим поднимали и устанавливали компенсатор газопровода при помощи ручного подъемника, и все вместе отправились в столовую.

И Шабков, и Попов были сравнительно хорошо одеты. Их кожаные рукавицы – хотя и прожженные в нескольких местах – были еще довольно приличными. На них были длинные овчинные тулупы на шерстяной подкладке и доходившие им до колен валенки, кожаные шапки с меховой опушкой и шерстяные шарфы. Одежда двух монтажников, работавших на земле, была гораздо хуже. Один из них носил поношенные кожаные ботинки вместо валенок, а любой, кто побывал в странах с холодным климатом, знает, какая это пытка, когда на ногах у тебя кожаная обувь. У другого были валенки, подошвы у которых отваливались. Он подвязывал их кусками проволоки, но «портянки», – иными словами тряпки, которыми он обмотал ноги вместо носков, высовывались наружу в двух местах. Их тулупы были уже сильно поношенными и прожженными, а рукавицы на ладонях практически совсем протерлись. Это были молодые люди, завербованные на эту работу из деревни, еще не освоившие как следует профессию монтажников стальных конструкций, и поэтому они получили только обноски вместо хорошей одежды. Шабков похлопал одного из них по спине.

– Ну, Гришка, хочешь сегодня после обеда подняться наверх и попробовать поработать на высоте? Если голова закружится, то можешь спуститься вниз. Мише нужен человек, чтобы выравнивать и придерживать в одном положении фланец трубы, пока он будет ее сваривать.

Гришка выпятил от гордости грудь колесом. Он уже давно ждал, когда ему предоставится такая возможность.

– Да ты что – голова закружится?! Конечно, я пойду. Только, послушай, а как насчет валенок? Там наверху холодно.

– Знаю, – ответил Шабков. – Я говорил про тебя мастеру и поговорю с ним еще раз. Но если на складе вообще нет валенок, то что я могу сделать?

– Но нам же должны их выдавать, – сказал молодой монтажник и крепко выругался. – Это есть в коллективном договоре. Я сам читал.

Никто ему не ответил. Каждый либо сам читал коллективный договор, либо слышал, как другие читали его вслух, но, как сказал Шабков, если вообще нет валенок, то что можно сделать? Другой монтажник промолчал. Он немного побаивался, что бригадир предложит и ему поработать на высоте. Сейчас ему больше хотелось оставаться на земле. Он уже привык к лестницам и коротким стремянкам, но карабкаться на шестидесятифутовую стальную колонну, чтобы работать на трубе, установленной на самом верш, ходить по этим раскачивающимся деревянным мосткам – нет, ни за что! Гораздо лучше находиться на земле и крутить рукоятку ручного подъемника, даже если иметь только третью категорию и получать сто двадцать рублей в месяц, в то время как монтажникам, работающим на высоте, обычно давали четвертую категорию, и они зарабатывали до двухсот рублей.

Мы пересекли несколько железнодорожных путей, прошли мимо доменной печи № 2, которая уже работала, перелезли через груды конструкционной строительной стали, через

незаконченные фундаменты, горы земли и насыпи и, наконец, подошли к низкому, длинному деревянному зданию, куда со всех сторон стекались рабочие. Над дверью была надпись: «Столовая № 30».

– Сколько у тебя карточек? – тихо спросил Попов у Шабкова. – А, ну да, ты же «особый» (он имел в виду «кулак, лишенный гражданских прав», «раскулаченный») – у тебя только одна.

Шабков усмехнулся. У него было две карточки. Мастер Иванов дал ему еще одну по той простой причине, что, по его мнению, лишний обед, вложенный в Шабкова, давал максимальный процент прироста капитала в единицах производительности труда.

Они вошли в столовую вместе. Сами рабочие почти не делали никакого различия между «особыми» и всеми остальными. Их отцы или же они сами раньше были кулаками, но теперь они все вместе делают одно общее дело, живут так же, как и все, и в то же время «особые» очень часто работают лучше среднего уровня. Надо помнить, что они обычно были наиболее энергичными людьми в своей деревне, и потом, во времена нэпа³, стали процветать. Шабкова все уважали. Он возглавлял бригаду из восемнадцати человек, из которых только двое были «особыми», и тем не менее он без труда поддерживал дисциплину в своей бригаде.

В столовой было полным-полно народа. За не покрытыми скатертью длинными деревянными столами сидели рабочие, и почти позади каждого сидящего и обедающего человека стоял еще один, ожидавший, когда освободится место. Здесь было много шума и сутолоки. Молодые официантки бегали по комнате, разнося огромные деревянные подносы, уставленные тарелками супа, и большие ломти хлеба. В столовой было холодно, и я видел, как от дыхания клубятся облачка пара. Однако здесь было намного теплее, чем на улице, и все расстегивали свои тулупы и завязывали на головах уши шапок-ушанок. В дверях дородный татарин проверял у входящих в столовую их карточки и выдавал каждому деревянную ложку.

Сами карточки были напечатаны на коричневой бумаге очень плохого качества и ничего интересного из себя не представляли. На каждой из них было напечатано «Столовая № 30», а по краям шли цифры от 1 до 31. Официантки отрывали клочок бумаги с соответствующей цифрой, прежде чем принести еду. Одна карточка давала ее владельцу право получать ежедневно один обед в течение месяца. Мы с Шабковым протолкались в дальний угол комнаты, нашли стол, где людям уже принесли еду, и встали за спинами двух обедавших каменщиков.

– Выглядит неплохо, – заметил Попов, принохиваясь. – Вот если бы еще нам побольше хлеба давали. Двести граммов⁴ – это маловато.

– Я знаю, что рядом, в столовой для инженеров, лают триста граммов, – сказал Шабков, вытирая свою ложку о подкладку тулупа. – Ты там когда-нибудь был?

– Да, один раз. – ответил Попов. – Коля одолжил мне свою карточку. Еда почти такая же, как и у нас, только не надо так долго ждать и народу поменьше. А суп, я думаю, тот же самый.

К нам подошли другие рабочие и встали в очередь, ожидая свободных мест, и еще до того, как мы сели за стол, за нашими спинами уже собрались другие люди, ожидавшие, когда мы закончим обедать.

– Я слышал, какой-то каменщик упал вчера, – сказал один из монтажников Попову.

– Да, что-то говорили, – ответил он. – Давно пора тресту обеспечения безопасности работ взяться за дело и заставить выполнять эти правила, которые они придумали.

Такие разговоры велись каждый день, но эта организация по обеспечению безопасности работ не могла предпринять никаких действенных мер в этом направлении, чтобы уменьшить количество несчастных случаев. Причин их было три: во-первых, не доставало опыта у рабо-

³ Нэп – новая экономическая политика, 1923–1928 гг., создавшая условия для временной реставрации индивидуальной инициативы и мелкого капитализма в промышленности, торговле и сельском хозяйстве. – Примеч. автора.

⁴ 1/2 фунта. – Примеч. автора.

чих, которые, как дети, не понимали, что такое опасность; во-вторых, не хватало строительных материалов, чтобы делать по всем правилам мостки и леса, поручни на лестницах и т. д.; и в-третьих, было мало электрических лампочек, из-за этого рабочим, находящимся на высоте, внутри и снаружи труб или на лесах, приходилось рано утром и поздно вечером работать в темноте. Во всех трех случаях организация обеспечения безопасности работ была бессильна что-либо сделать. Не хватало строительных материалов, а когда какое-то количество их доставляли, то они либо шли на другие нужды, а не на изготовление лесов и подмостей, либо исчерпали в печках, обогревающих комнаты рабочих. Что касается электрических лампочек, то в декабре на большой подстанции что-то произошло и во все линии, снабжавшие электроэнергией осветительные приборы, пошло напряжение в триста восемьдесят вольт вместо двухсот двадцати. Все включенные в это время лампочки перегорели, а запасных не было.

Через полчаса после того, как мы вошли в столовую, мы уселись на только что освобожденные места, положили на стол наши карточки и стали ждать, когда к нам подойдет официантка. Она была на полпути к нам, обслуживая другой стол и добродушно поругивая рабочих, пытавшихся получить два обеда по одной карточке, а иногда и ущипнуть ее сзади. Прошло еще десять минут, прежде чем она добралась до нашего, последнего, стола и стала отрывать талоны от наших карточек. Шабков и Попов, у каждого из которых было по две карточки, очень старались отвлечь внимание официантки, чтобы она не поняла, что карточек больше, чем людей за столом. Однако это им не удалось. Оторвав двенадцать талонов с номерами, она сосчитала всех и увидела, что за столом только десять человек. Положение спас Попов.

– А, ну да, – сказал он. – Это Петя и Гриша оставили свои карточки и пошли мыть руки. – Попов ухмыльнулся. Усмехнулась и официантка. Никто никогда не мыл руки зимой в столовой № 30. Но теперь у нее были свидетели на тот случай, правда, весьма маловероятный, если директор будет ее проверять. Она умчалась прочь, улыбаясь, и скоро вернулась, неся двенадцать больших кусков черного хлеба. Затем она принесла двенадцать тарелок горячего супа. Суп был неплохой. В нем было немного капусты, следы картошки и гречневой крупы, а иногда даже попадалась косточка. Главное – он был горячий. Рабочие ели его с удовольствием, некоторые для вкуса клали туда горчицу. Большинство из них съели свой кусок хлеба до того, как доели суп. Однако у Шабкова и Попова было по два куска хлеба (два куска по двести граммов каждый раз равнялись одному фунту черного хлеба), поэтому им его хватило, чтобы доесть суп до конца, и даже осталось немного для второго. На второе принесли суповые тарелки, наполненные картошкой, политой жидким соусом. Сверху лежал небольшой кусочек мяса. Поставив все это на наш стол, официантка пошла обслуживать сидящих за другим столом.

Попов и Шабков ели жадно, с большим аппетитом.

– Хороший обед, – сказал Шабков. – Вот если бы каждый день такой давали.

Попов ничего не ответил. Он только что-то проворчал.

Он был занят – надо было съесть две тарелки картошки с мясом.

– Я слышал, что Ломинадзе, новый первый секретарь партии, очень возмущается столовыми и настаивает на том, что мы должны иметь право заказывать столько хлеба, сколько захотим, и что на второе должен быть выбор, по крайней мере из трех блюд, – сказал сидевший рядом с Поповым рабочий толстощекой, закутанной в платок девушке, уплетавшей напротив него картошку. Девушка работала вместе с клепальщиками, нагревая для них заклепки.

– Я в это поверю, только когда сама увижу все собственными глазами, – ответила девушка с украинским акцентом. Она сидела за столом вместе с мужчинами, хотя в комнате было еще около двадцати или тридцати женщин. Большинство из них были одеты в такие же тулупы и валенки, что и мужчины, и их можно было отличить только по толстым платкам, в которые они были закутаны.

Как только мы кончили обедать, ожидавшие своей очереди рабочие тут же начали занимать освобождавшиеся места. Попов и Шабков встали из-за стола, слегка распустив пояса и сыто рыгая.

– Да, – сказал Попов. – Хороший обед.

Мы вернулись обратно на работу, когда деревянные часы на здании, где находились компрессоры, показывали двенадцать тридцать. На саму еду у нас ушло всего лишь пятнадцать – двадцать минут, но в общей сложности мы потеряли полтора часа рабочего времени. И снова причиной тому была плохая организация. Знал об этом и директор, знали и в профсоюзе, и в партийной организации. Но знать – одно, а совсем другое дело – исправить положение. Надо было накормить тысячи рабочих. Не хватало и столовых, и ложек, и столов, да и самой еды. Спустя три года количество продовольствия увеличилось, что дало возможность отменить карточную систему, улучшить питание и терять меньше времени; но в 1932 и 1933 годах ситуация была плохой, и, казалось, никто не в состоянии ничего сделать, чтобы решить эту проблему.

Глава VI

Профсоюзный руководитель приклеил кусок газетной бумаги на дверь сарайчика. На нем крупными буквами с ошибками было написано объявление: «Собрание – выборы нового председателя цехового комитета – в пять часов в красном уголке. Присутствие обязательно». Многие члены бригады видели это объявление, но их это ничуть не заинтересовало. Цеховой комитет мало что значил для большинства рабочих. Он организовывал и проводил плохо посещаемые собрания, на которых выступали работники профсоюза, говорившие о программе строительства Магнитогорска, втором пятилетнем плане и международном положении. А еще, когда рабочие болели или получали травму, они относили бюллетени к председателю, чтобы он поставил на них свою подпись. Этим все и ограничивалось. Администрация значила для рабочих гораздо больше. Она нанимала на работу и увольняла, давала рабочим указания, распоряжения и приказы, платила им деньги. Партия тоже имела большое значение. Через партийную организацию можно было добиться комнаты, получить новую работу, подать жалобу или внести какие-либо предложения, имея некоторую уверенность, что на них обратят внимание и рассмотрят. А цеховой комитет не мог сделать ничего подобного, и выборы нового председателя не вызвали интереса у большинства монтажников и сварщиков, видевших это объявление. Таким образом, в пять часов в красном уголке стояли только прежний председатель, которого переводили на другую работу, и два члена цехового комитета; они курили, посматривая на дверь. Вошел один рабочий, за ним еще двое, наконец собрались пять человек, но больше никто не появился.

– Черт возьми, – сказал прежний председатель, нервный, прилизанный человек средних лет в дорогой черной котиковой шапке. – Я развесил это объявление повсюду. Не знаю, почему пришло так мало людей.

Высокий парень со шрамом на губе, стоявший неподалеку, пожал плечами. Это и был человек, присланный районным комитетом профсоюза на место старого председателя цехового комитета профсоюза строителей доменных печей. Да, такое начало не предвещает ничего хорошего, если на выборы приходит только пятеро. По этому поводу он заметил, обращаясь к своему коллеге, на смену которому прибыл:

– Кажется, Вы чертовски много занимались здесь общественной работой. Что же нам теперь делать? Я не могу быть избран на должность председателя организации из восьмисот рабочих собранием, на котором присутствует только пятеро. А Вам завтра надо переходить на новое место работы.

Новый председатель был огорчен этой формальной дилеммой. Однако другие отнюдь не были расстроены.

– Ерунда, – сказал один из членов цехового комитета. – Не расстраивайтесь. В конце концов эти выборы – простая формальность. Мы изберем Вас на следующем собрании, а тем временем Вы можете спокойно приступить к работе. Хотя, конечно, плохо, что мы не смогли собрать больше народа.

Причины, по которым рабочие не явились на собрание, были достаточно очевидны каждому, кто захотел бы в них разобраться. Во-первых, цеховой комитет был практически «мертвой» организацией, он почти не работал. Он не делал ничего, чтобы помочь рабочим защищаться от бюрократов и пылающих чрезмерным рвением чиновников и обеспечить выполнение законов о труде. Например, большинство квалифицированных сварщиков регулярно отработывали ежедневно по две смены, потому что сварщиков не хватало, а работу необходимо было выполнять. Это явно противоречило закону, но цеховой комитет совсем этим не занимался. Как могли они выступить против Шевченко и помешать ходу строительства, снимая сварщиков с рабочих мест и освобождая их от сверхурочной работы? Так было повсюду.

Что же касалось самих выборов, то здесь дела также обстояли неважно. Теоретически предполагалось, что председателем цехового комитета должен быть один из рабочих этого цеха, которого выбирали бы его товарищи как самого способного и опытного, чтобы представлять интересы рабочих. На самом деле уже стало традицией, что районный комитет профсоюзов направляет человека, профессионального профсоюзного работника, специально обученного, чтобы представлять интересы рабочих; его вступление в должность обычно регистрировалось на «выборах». Практически выборы не имели никакого значения, так как был всего лишь один кандидат, и его присылали вышестоящие органы. Любая открытая критика рабочими такого положения вещей не дала бы никаких результатов.

Авторитет профессиональных союзов был низким. Позднее, в 1934–1935 годах, профсоюзы реорганизовали свою работу, вновь завоевали уважение и встретили поддержку со стороны некоторой части рабочих. Профсоюзы добились этого, строя дома отдыха, настаивая на соблюдении трудового законодательства даже в тех случаях, когда дело от этого временно могло пострадать; они распределяли билеты в театры, организовывали различные курсы и школы и посылали рабочих вместе с их женами и детьми в санатории.

Глава VII

Я ушел с собрания вместе с Поповым и другими сварщиками и направился в сторону дома.

– Ты сегодня сколько времени работал сверхурочно?

– Три часа, – ответил Попов. – Александр остался еще на одну смену. А я вчера отработал две смены и не получил хлеба. Сегодня я отказался.

Мы перешагивали через канавы, железнодорожные Рельсы и скатывались вниз по уступам. Было уже почти совсем темно и очень холодно. Нам надо было пройти около полумили, чтобы добраться до окраины города. Попов оглянулся на сварщика, шедшего позади него.

– Эй, да у тебя нос совсем белый! – крикнул он.

Сварщик выругался, снял рукавицу и, набрав пригоршню снега, начал энергично тереть свой нос. Остальные засмеялись.

– У Саши с носом всегда плохо – с тех пор, как он служил в армии на севере и там его наполовину отморозил, – сказал мне кто-то.

Уходя со строительной площадки, мы все собрали немного дров. Мы всегда по мере возможности подбирали остатки – кусочки дерева, которые для работы все равно не годились, но когда мы не могли найти остатков, то кололи планки, обшивные доски и шпалы – в общем все, что попадалось под руку. Чтобы в бараках было тепло, нам надо было топить, а у снабженческой организации не хватало угля.

Прежде чем выйти с территории предприятия, мы должны были миновать охранника, в чью обязанность входило следить за тем, чтобы не разворовывали стройматериалы. Это был старый партизан; он был вооружен винтовкой и мог выстрелить, поэтому нам приходилось идти окольным путем. По новому закону расхищение социалистической собственности считалось тяжким преступлением, за которое полагалась смертная казнь, и, хотя все уносили домой стройматериалы, могло случиться, что кому-то бы не повезло и он стал бы печальным примером. Мы видели силуэт старого охранника с винтовкой в огромном овчинном тулупе на фоне неба, но он нас не заметил.

Выйдя с территории завода, группа рабочих разделилась. У Гриши было с собой ведро. Он собрал у всех карточки на молоко и отправился за ним на молочную кухню. Каждому сварщику по закону ежедневно полагалось по пол-литра (пинте) молока. Шансы, что там будет молоко и ему удастся его получить, были невелики. Зимой снабжение молоком ухудшалось. Молоко привозили в замороженном виде кусками в мешках из соседнего совхоза. Однако попытаться получить его все же стоило. Поэтому каждый день сварщики кого-нибудь туда посылали, и иногда – один или два раза в неделю – посыльный возвращался домой с ведром, наполовину наполненным молоком. Два сварщика взяли у всех собранные дрова и отправились к баракам, в то время как остальные пошли в магазин купить хлеба и еще что-нибудь, что можно было там достать.

Кооператив строителей доменных печей находился в большом одноэтажном здании, почти не отапливаемом и очень грязном. Когда мы подошли к нему, то увидели, что там полным-полно рабочих и снаружи, от двери магазина выстроилась очередь.

– Странно, – сказал Попов, – Наверное, там продают что-нибудь особенное.

Мы подошли поближе и задали традиционный русский вопрос: «Что дают?»

– Только хлеб, – ответил один из рабочих, стоявших в очереди. – Утром хлеба не было. Его привезли только полчаса назад.

Мы встали в очередь. Она двигалась очень медленно. Прошло десять минут, прежде чем мы добрались до двери магазина, и еще двадцать минут, пока мы подошли прилавку. На полках позади прилавка не было абсолютно ничего, кроме четырех коробок с искусственным кофе

и целой выставки духов. Продавали и покупали I только черный хлеб. Продавщица большим мясницким ножом резала свежие буханки, от которых шел пар. Ей редко приходилось дважды взвешивать один и тот же кусок. Служащий магазина, повязанный грязным белым фартуком поверх овчинного тулупа, отрывал талоны с номерами от хлебных карточек рабочих по мере того, как их ему подавали. Вторая девушка-продавщица принимала деньги – тридцать пять копеек за килограмм (около пятнадцати копеек за фунт). Как раз в тот момент, когда Попов подошел к прилавку, высокий, похожий на монгола парень, растолкав всех плечами, попытался взять хлеб без очереди. Разразилась целая буря недовольства.

– Если ты мастер, то иди в магазин для мастеров!! А если ты прикреплен к этому магазину, то вставай в очередь! – сказали в один голос сорок человек. Большой монгол стал протестовать, произнося на ломаном русском языке фразы о правах национальных меньшинств. И все-таки хлеб он без очереди не получил. Слишком многие рабочие, принадлежащие к национальным меньшинствам; пытались получить что-нибудь даром или без очереди или же добиться других привилегий, подводя под это в качестве основы ленинскую национальную политику. Но теперь им это уже больше не удавалось.

Попов вытащил потрепанный бумажник и начал искать там мелочь, чтобы заплатить за хлеб. Бумажник) был набит деньгами, у него при себе было больше! двухсот рублей⁵. Неделю назад он получил зарплату за прошлый месяц (с опозданием всего лишь на десять дней), но купить было нечего. Он получил хлеб для себя, для Гриши, ушедшего за молоком на раздаточный пункт и для Гришиной жены и стал проталкиваться к выходу. Под мышкой у него было пять килограммов (двенадцать фунтов) хлеба. Это были двухдневные рационы для двух рабочих и одного иждивенца. Я получил свой хлеб, и мы пошли в промтоварный магазин, находившийся через дорогу, чтобы купить пару рукавиц на шерстяной подкладке для Попова, которому они были очень нужны. Однако в магазине было пусто, и через окно мы разглядели только маленькую стопку шелковых носовых платков и летних мужских рубашек, которые уже несколько дней были единственным товаром в магазине.

– Паршивое дело, – сказал Попов, – летом продаются овчинные тулупы, а зимой нет ничего, кроме шелковых носовых платков. Я думаю, мне надо завтра сходить на базар и купить там рукавицы и пару брюк.

⁵ Около ста долларов по официальному курсу, однако покупательская способность 200 рублей соответствовала приблизительно сумме в десять долларов. – Примеч. автора.

Глава VIII

Около десяти минут мы шли в гору, между двумя рядами побеленных одноэтажных барачков. Последний справа и был нашим домом. Это было низкое деревянное строение, между двойными стенами которого была проложена солома. Толевая крыша весной протекала. В бараке было тридцать комнат. Обитатели каждой комнаты сделали маленькую печку из кирпича или железа, чтобы можно было топить и обогревать комнаты, если были дрова или уголь. Коридор с низким потолком освещался одним маленькой электрической лампочкой. Попов, спотыкаясь, дошел в валенках до комнаты № 17, распахнул дверь и вошел внутрь. Его сосед по комнате Гриша, работавший на шахте, где добывали железную руду, как раз разводил в печке огонь.

– Здорово, – сказал он, не поднимая головы.

– Холодно, – произнес Попов, кладя свой хлеб на стол и расстегивая тулуп.

Комната была приблизительно шесть на десять футов, с одним маленьким окошком, рамы которого были оклеены газетой, чтобы внутрь проникало меньше холодного воздуха. Там стояли маленький стол, небольшая печурка, сложенная из кирпича, один стул с трех ногах и две железные кровати, узкие и шаткие. Пружинной сетки на кроватях не было, вместо нее поперек железной рамы были положены тонкие доски. Попов повесил свой тулуп и подошел к печке погреть руки.

Наша комната была значительно больше, чем комната Попова, потому что Коля был мастером, а я – иностранцем. У нас были стол, два стула и две кровати, а также маленький чуланчик. Я затопил печку, почистил несколько картофелин.

В нашем бараке жили восемьдесят мужчин, женщин и детей. Самому старшему было тридцать четыре года. Все мужчины работали в строительном тресте, которому и принадлежал этот барак. До 1934 года мы ничего не платили за жилье. После 1934 года каждый из нас стал платить около десяти рублей в месяц.

Раньше в бараке была и кухня, но теперь в этом помещении жила семья, поэтому все готовили, пользуясь печками в своих комнатах. В одной из комнат находился красный уголок. Здесь висела стенная газет нашего барака, два знамени за ударный труд и портреты Ленина, Сталина и Ворошилова. Здесь также размещалась и библиотека, состоявшая из двухсот книг. Два раза в неделю в красном уголке проводились занятия для неграмотных. Несколько месяцев назад в бараке было семнадцать неграмотных взрослых, теперь только десять. Конечно, надо учесть, что человек считался грамотным, если он мог расписаться и прочитать простое предложение.

Большинство молодых рабочих барака № 17 были не женаты. Это объяснялось, во-первых, тем, что женщин в Магнитогорске вообще было очень мало, как и в любом поселке строителей. Во-вторых, такое положение говорило о тяжелых условиях жизни. Работая физически на холоде по две смены и плохо питаясь, человек почти не имел сил и энергии предаваться любви, особенно под открытым небом или в переполненных людьми комнатах.

Глава IX

Примерно в шесть часов вечера в красном уголке собралось около дюжины молодых рабочих, мужчин и женщин, они принесли с собой пару балалаек и гитару. Рабочий день закончился, ужин уже стоял на плите, так что настало время спеть. И они запели! Рабочие революционные песни, народные напевы и старые русские лирические романсы. Рабочий-татарин спел две свои национальные песни. Молодой украинец сплясал. На балалайках играли очень хорошо. Я никогда не переставал удивляться, что так много русских рабочих умеют играть на балалайке. Они учились играть длинными зимними вечерами в глинобитных домиках-избушках в своих деревнях.

Потом разгорелась дискуссия. «Почему мы получаем так мало сахара? В этом месяце мы получили всего лишь двести граммов⁶ на человека. На чае без сахара далеко не уедешь». Почти у каждого нашлось, что сказать по этому поводу. Один молодой парень объяснил, что в этом году был плохой урожай сахара. Заводы по производству сахара выполнили свой план только на пятьдесят процентов. Еще кто-то заметил, что Советский Союз экспортирует много леденцов, а это означает большой расход сахара.

– Нам надо продавать за границу очень многое, чтобы получить деньги для закупки прокатных станков и других подобных вещей, которые мы еще не можем производить сами.

Некоторых женщин так и не удалось убедить. Сахар был всегда, за исключением военного времени. Сейчас войны нет. Значит, должен быть сахар. Особенно женщины постарше все никак не могли привыкнуть к тому, что у них есть деньги, а они не могут купить то, что хотят. Раньше деньги всегда были мерой их материального благосостояния. Хорошая зарплата означала, что можно иметь все самое лучшее. Такова была ситуация в конце двадцатых годов, особенно в промышленных районах на Украине, где рабочие обычно хорошо питались. Однако теперь значение денег изменилось. Размер зарплаты и количество денег под матрасом больше не определяли уровень жизни. Деньги были у всех, но то, что человек ел и носил, почти целиком и полностью зависело от того, что можно было купить в том конкретном магазине, к которому он был прикреплен. Если это был иностранный специалист или руководящий работник ГПУ или партийных органов, прикрепленный к специальному магазину для иностранцев, то он мог купить икру, кавказское вино, импортные ткани, прекрасную обувь, костюмы и тому подобные вещи на выбор. Инженеры и мастера, такие люди, как Семичкин и Коля, имели карточки, дававшие им право посещать магазины для техников, где они могли купить хлеб, а иногда мясо, масло, рыбу и кое-что из одежды. Однако большинство людей, таких, как, например, Попов, были прикреплены к магазинам для рабочих, где единственное, что можно было купить более или менее регулярно, это хлеб. Иногда по несколько дней подряд и хлеба не было; но большинство рабочих, прошедших школу голода, имели небольшой запас сухарей, помогавший им переждать временную нехватку хлеба.

У меня была карточка в магазин для рабочих, и я довольствовался бы этим и дальше, если бы не Коля, настоявший на том, чтобы я пошел и получил книжечку Инснаба – знаменитого сказочного магазина для иностранцев. Коля мне это устроил, хотя в соответствии с буквой закона мне не полагалось им пользоваться, так как я приехал в Советский Союз не по контракту с Амторгом, а по собственному желанию. Для меня труднее всего было добраться до Инснаба, чтобы что-нибудь купить. Обычно я приходил туда очень поздно и обнаруживал, что магазин уже закрыт. Все же, имея мою инснабовскую книжку и многочисленные Колины карточки в столовую и в магазин для техников, мы могли прилично питаться – несомненно,

⁶ Полфунта. – Примеч. автора.

намного лучше, чем большинство людей, живших в нашем бараке, и несравнимо лучше, чем большинство рабочих в раскинувшемся во все стороны Магнитогорске.

Проблемы, связанные с питанием, были постоянной темой для обсуждения на стихийно возникавших небольших собраниях в красном уголке барака до и после обеда. Всегда находился какой-нибудь человек, разъяснявший официальную точку зрения на положение дел, и остальные этим объяснением, как правило, удовлетворялись.

– Вот подождите – через пять или десять лет нам не понадобится ни единой вещи из капиталистического мира, – сказала Аня, молоденькая сварщица. – Тогда нам не придется продавать еду за границу. Мы все будем съедать сами.

– Через пять – десять лет никакого и капиталистического мира не будет, – сказал молодой монтажник, размахивая руками. – Как ты думаешь, что делают рабочие в капиталистических странах? Ты думаешь, они собираются голодать еще в течение десяти лет кризиса, даже если, предположим, в это время не будет войны? Они такого терпеть не будут.

– Конечно, не будут. Они восстанут. А мы поможем им, когда это произойдет.

Потом стали обсуждать более прозаический вопрос. Беляков, работник, ответственный за снабжение в Строительном тресте печей, был бюрократ. У каждого нашлось, что сказать о нем плохого, все ругали его. Одно дело – отморозить во время работы руки или обходиться без сахара. Это могло быть вызвано такими объективными причинами, как, например, климат или генеральная политическая линия Советского правительства, равным образом не зависящими от воли отдельных работников. Но мириться с бюрократом вроде Белякова, который, казалось, получал удовольствие, действуя как жандарм или средневековый помещик, – это было уже слишком.

Глава X

Было уже почти семь часов, когда Коля добрался домой и заглянул в красный уголок.

– Джек, пора идти, иначе мы опоздаем.

Мы пошли в нашу комнату, чтобы взять книги. Коля уже поужинал на комбинате в столовой для технического персонала, где он пользовался только карточками.

– Я заходил в больницу навестить Ваську, – сказал Коля, меняя черные от сажи рабочие валенки на другую пару. – Он очень плох. Доктор сказал мне, что он может умереть на этой неделе.

Васька был сварщиком, он жил в нашем бараке и работал в нашей бригаде. Две недели назад он упал и сломал ребра, и с тех пор лежал в больнице, находясь на грани жизни и смерти. Я дважды заходил туда навестить его, но место это было не из приятных, и я старался как-нибудь оттянуть свой следующий визит. Там было холодно и грязно. Медсестрами работали одетые в овчинные тулупы деревенские девушки, ставшие совершенно равнодушными к той боли и страданиям, которые они видели вокруг себя в хирургическом отделении: люди, получившие ожоги чугуном, непрерывно кричащие последние три дня перед смертью; люди, раздавленные, как мухи, под кранами или другим тяжелым оборудованием, – все эти люди были для них всего лишь досадной и нудной помехой, действовали им на нервы. К Ваське относились довольно хорошо, потому что у него была раздавлена грудь и кричать он не мог, и к тому же он был хорошим парнем; но некоторым другим больным в этом смысле не так повезло.

– Я не навещал его уже четыре дня, – сказал я.

Мы взяли наши учебники, завернули их в газету и отправились учиться.

Из барака в это время выходили многие: некоторые шли в кино, другие – в клуб, но большинство несли под мышкой завернутые в газету книги, по которым можно было понять, куда направляются их владельцы. Они шли учиться. Двадцать четыре человека из нашего барака, мужчины и женщины, учились в различных учебных заведениях.

Я посещал занятия в Комвузе. Курс обучения там длился три года и включал такие предметы, как русский, арифметика, политическая экономия, ленинизм, история Коммунистической партии Советского Союза, история революционного движения в западных странах, партийное строительство и диалектический материализм. Большинство окончивших это учебное заведение становились профессиональными пропагандистами или работниками местных политических или административных организаций. Почти все, поступавшие в Комвуз, были полуграмотными. Требования, предъявляемые к поступающим, соответствовали уровню пятого класса начальной школы, но на самом деле строго экзаменовали только по чтению и письму. Академический уровень Комвуза был соответственно низким. Возникали большие трудности с учебниками, особенно по таким предметам, как диалектический материализм, где единственная опубликованная книга была написана Бухариным, и в учебных заведениях было запрещено ею пользоваться, поскольку она была объявлена «оппортунистической». А если бы студентам с очень ограниченным общим образованием давали читать «Анти-Дюринг», «Диалектику природы» или «Материализм и эмпириокритицизм», то они, совершенно очевидно, изучали бы эти произведения крайне поверхностно. Таким образом, преподаватели были в затруднительнейшем положении. В течение одного учебного года (1933/34) в Комвузе сменились четыре преподавателя диалектического материализма. В каждом случае смена преподавателя была вызвана «отклонениями», а в двух случаях закончилась их арестом. «Выявление отклонений» было одной из основных задач директора Комвуза. А если его усилия в этом направлении не давали никаких результатов, то у него самого могли бы быть неприятности за «самоуспокоенность» или «укрывание врагов».

Пробыв в Магнитогорске всего три месяца, я поступил в Комвуз для того, чтобы получить помощь в изучении русского языка. Позже я заинтересовался материалом преподаваемых курсов. История была для меня особенно увлекательным предметом. Но каждое историческое событие подавалось либо в черном, либо в белом свете, направления и тенденции были упрощены. На каждый вопрос был дан абсолютно однозначный ответ. Мало того, четко определенной была, и сама формулировка каждого ответа. Если вы следовали всем правилам, то все было достаточно просто. Это была система, построенная наподобие арифметической. Единственная трудность заключалась в том, что она часто не соответствовала объективной реальности.

Я вспоминаю один спор, возникший, когда мы изучали марксистский закон обнищания трудящихся в капиталистических странах. В соответствии с этим законом – в том виде, как его преподавали студентам Магнитогорского Комвуза, – рабочий класс Германии, Великобритании, Соединенных Штатов и других капиталистических стран непрерывно становился все беднее и беднее, начиная со времени промышленной революции восемнадцатого века. После урока я подошел к преподавателю и сказал ему, что я, например, бывал в Великобритании и, как мне показалось, условия жизни рабочих были там, несомненно, лучше, чем во времена Чарльза Диккенса или же в то время, когда Энгельс написал свой трактат «Положение рабочего класса в Англии».

Учитель и слушать меня не хотел.

– Посмотрите в своем учебнике, товарищ, – сказал он. – Это написано в учебнике.

Для этого человека не имело значения, что «учебник» на следующий месяц могут объявить контрреволюционным. Когда это произойдет, ему выдадут другую книгу. Партия не ошибается. Эта книга была дана ему партией. Этого было достаточно.

Коля посещал занятия в техникуме – учебном заведении с немного более высоким академическим уровнем. По условиям приема необходимо было иметь семиклассное образование и поступающих отбирали по результатам конкурсного экзамена. Среди предметов, изучаемых там, были алгебра, физика, химия, механика, сопротивление материалов, черчение, строительное конструирование из таких материалов, как сталь, железобетон и дерево, причем упор делался на те типы конструкций, которые использовались в Магнитогорске. Там в основном преподавали инженеры, работавшие в конструкторском бюро или на производстве. Они приходили проводить занятия после своего рабочего дня и зачастую были очень усталыми и не готовыми к занятиям. Нагрузка студентов была еще больше, поскольку они занимались по вечерам четыре раза в неделю, в то время как учителя преподавали меньше. Студентов набирали независимо от того, состоят они в партии или нет. Комсомолец или беспартийный рабочий принимались на тех же основаниях, что и член партии. Однако «классовые враги» и члены их семей сурово отсеивались. Шабков, чей отец был кулаком, не мог поступить в техникум. Это лишение права получить высшее образование распространялось на всех «лишенцев» до 1936 года, когда указ Москвы предоставил равные права на получение образования для всех.

Каждый вечер рабочие из барака № 17 посещали и дюжину других учебных заведений: школу шоферов, курсы Осоавиахима, где преподавались различные военные дисциплины; специальные курсы по подготовке экономистов, плановиков, акушеров, работников почты и телеграфистов. Эти учебные заведения были организованы различными трестами и учреждениями.

Расходы на обучение, освещение, отопление, зарплату преподавателям, а иногда также и учебники, и бумагу для студентов оплачивались из большого фонда, предназначенного для подготовки техников и квалифицированных рабочих. Студенты ничего не платили. У них были даже особые привилегии, более длительные отпуска, а на время экзаменов их освобождали от работы.

В это время в Магнитогорске было очень мало дневных учебных заведений для взрослых, где можно было учиться с отрывом от производства. Большинство рабочих так же, как Коля и я, учились по вечерам. Напряжение было слишком велико и слишком много предстояло

сделать, чтобы можно было освободить несколько миллионов молодых рабочих Советского Союза от работы на производстве и послать их учиться. Однако в течение последующих пяти лет вечерние профессиональные учебные заведения практически исчезли и были заменены учебными заведениями *bona fide*⁷ – институтами, где учились с отрывом от производства, и уровень академических знаний был гораздо выше. Студенты этих учебных заведений получали от государства денежные пособия (стипендии) в размере от сорока до пятисот рублей в месяц. Такое положение сохранялось вплоть до 1940 года, когда правительство, перед которым встала необходимость изыскать миллиарды рублей на вооружение, ввело плату за все обучение, начиная с восьмого класса.

Огромные капиталовложения, отпускаемые Советским Союзом на обучение, были продиктованы необходимостью – в каждой области не хватало квалифицированных специалистов. Революция, гражданская война и массовая эмиграция «старых» элементов оставили в России в начале двадцатых годов еще большую неграмотность и еще меньшее количество квалифицированных специалистов, чем было до войны⁸. Постоянно возрастающая сложность экономической и коммерческой и политической жизни вызвала в начале тридцатых годов такую ситуацию, в которой правительству остро потребовалось создание советской интеллигенции. Эта ситуация и стала основной причиной тех колоссальных усилий, которые предпринимались для обучения и подготовки квалифицированных специалистов. В Магнитогорске это выразилось в том, что в рамках общего бюджета строительства было предусмотрено израсходовать почти сто миллионов рублей на подготовку квалифицированных рабочих. Данная сумма изначально рассматривалась в бюджете и была внесена в него как одна из статей капиталовложений наряду с такой же суммой, отпущенной на доменное оборудование.

Создание советской интеллигенции повлекло за собой еще более значительные последствия, чем затраты миллионов рублей на образование. Разница в зарплате, увеличившийся разрыв между зарплатой квалифицированных и неквалифицированных, с образованием и без образования работников в значительной степени были попыткой стимулировать желание учиться. Подобные действия помогали преодолеть летаргию, традиционную медлительность, неповоротливость и лень русского крестьянства. Население (и особенно крестьян) необходимо было увлечь учебой. В какой-то степени интерес уже пробудился – он возник как ответная реакция на длившееся веками лишение доступа к образованию и как результат природной любознательности, присущей любому человеческому существу. Но требовался и дополнительный стимул. Если бы зарплата пастушонка и инженера была одинаковой, большинство крестьян продолжали бы пасти свои стада и никогда не побеспокоили бы Ньютона и Декарта.

В 1933 году разница в зарплате была приблизительно следующей: средняя ежемесячная зарплата неквалифицированного рабочего Магнитогорска составляла что-то около 100 рублей; ученика квалифицированного рабочего – 200; квалифицированного рабочего – 300; инженера, не имеющего опыта работы – от 400 до 500; инженера со стажем – от 600 до 800; управляющих, директоров и т. п. – от 800 до 3000 рублей. Такая резкая дифференциация плюс отсутствие безработицы, а значит, уверенность в том, что можно без труда устроиться по любой освоенной специальности, еще более увеличивали и стимулировали интеллектуальную любознательность людей. Благодаря этим двум факторам была создана основная масса учащихся, занимавшихся в магнитогорских вечерних учебных заведениях в 1933 году; все эти люди работали по восемь, десять и даже двенадцать часов на производстве в самых суровых условиях, а потом приходили вечером учиться, иногда на пустой желудок, сидели на деревянных скамьях без спинки в комнате, где было так холодно, что пар, идущий от дыхания, виден был на расстоянии ярда, и изучали математику в течение четырех часов не прерываясь. Конечно, не все удавалось усво-

⁷ Настоящими. – Примеч. автора.

⁸ Автор имеет в виду первую мировую войну. – Примеч. переводчика.

ить. Подготовка была недостаточной, а условия слишком плохими. Тем не менее Коля, прочувшись два года в техникуме, мог сконструировать стропильную ферму, рассчитать объемы, площади и многое другое. Более того, он знал из своего личного опыта конкретное практическое применение всего, что он изучал.

Коля и я спустились вниз по холму, направляясь к школе. Было холодно, ветер покусывал нас за щеки, и через пять минут влага от нашего дыхания заледенела на бровях и ресницах. Мы шли быстро, так как было уже почти семь часов.

– У тебя сегодня что? – спросил я.

– Механика, – ответил Коля.

– Ты решил задачи?

Коля тихо выругался.

– А когда, ты думаешь, я мог бы их, черт возьми, решить.

Дальше шли молча. Здание Комвуза представляло собой барак, очень похожий на тот, где мы жили, с той разницей, что оно было чище и комнаты здесь были побольше. Подойдя к двери, мы услышали, как Наташа, уборщица и сторожиха, выйдя из своей комнаты, энергично звонит в колокольчик – такой колокольчик в деревнях обычно вешали на шею коровам. Значит, мы пришли как раз вовремя. Коля отправился в свой техникум. Я вошел в класс. В нашей группе учились двадцать четыре студента от четырнадцати до сорока пяти лет. Наш преподаватель был маленький человечек с острым взглядом, в очках; днем он работал конструктором.

Мы начали с партийного строительства. Не прошло и пяти минут, как сидевший впереди меня клепальщик, крупного телосложения мужчина, заснул крепким сном, уронив подбородок на грудь. Его бригада выполняла какое-то срочное задание, и он не спал уже сорок восемь часов.

Попов не пошел на занятия. Он отправился в клуб шахтеров, находившийся в десяти минутах ходьбы от барака № 17. Там сегодня должны были показывать какой-то фильм, но его почему-то не привезли. Он подождал полчаса, читая рассказ в литературной газете, а потом пошел в районную баню принять душ. Там была слишком длинная очередь – ему пришлось бы простоять в ней, по крайней мере, час, и он устало побрел домой писать письмо своему брату, служившему в Казахстане в Красной Армии.

Глава XI

Было уже начало двенадцатого, когда я вернулся в барак № 17. Коля пришел на десять минут раньше меня и уже развел в печке огонь.

– Джек, есть хочешь?

Я хотел. Мы сварили около полдюжины мелких картофелин и съели их, посыпав солью. Они действительно были вкусные, но прежде, чем Коля успел доесть последнюю, он уснул, сидя на корточках перед маленькой самодельной железной печуркой.

За стенами барака зловеще завывал ветер, но в нашей маленькой комнатке было тепло. Полоски газетной бумаги, которыми были проклеены оконные рамы и подоконники и щели в оштукатуренных стенах, помогали сохранять в комнате тепло. Догорающий в печке огонь бросал красные отсветы на стены комнаты.

Я уже задремал, как вдруг одна особенно беспокойная вошь укусила меня пониже спины. Я нашел эту маленькую тварь и, щелкнув ногтем большого пальца, раздавил ее так, как это делают русские. Потом я разбудил Колю, и мы оба улеглись.

Часть III

История Магнитогорска

Глава I

Весной 1933 года я получил на комбинате сильный ожог. Две недели пришлось проходить с перевязанной рукой. Чуть ли не каждый день я ходил в поликлинику к старому белобородому доктору. Мы подружились, и я часто заходил к нему в бараки рядом с больницей, где жили медицинские работники. Он жил один, потому что, насколько я понял, его семья находилась во Франции.

Этот доктор занимался медицинской практикой на Урале с 1900-х годов. В самом начале он был социалистом, но с 1905 года стал сторонником меньшевистской фракции Мартова. В Магнитогорске он жил под надзором, как бывший меньшевик, не изменивший своей позиции. Он избегал политических тем и проводил время, работая в поликлинике и больнице, накладывая гипс на переломанные кости и леча больных. В свободное время доктор писал монументальный труд о промышленной гигиене, который был закончен только наполовину, хотя работа над ним длилась уже почти десять лет.

Задолго до революции доктор работал в Уфе, приблизительно в двухстах милях к западу от Магнитогорска, и иногда верхом на лошади пересекал степь, чтобы попасть в деревню Магнитную. Он рассказал мне много интересного. С его помощью я и написал краткую историю Магнитогорска.

Глава II

Гора Магнитная – железное сердце Магнитогорска – находится на восточных склонах Уральских гор, милях в семидесяти к востоку от водораздела, служащего границей между Европой и Азией. Вокруг лежит голая степь с пологими холмами, такими гладкими, что вся местность напоминает пустыню. Лето здесь жаркое, пыльное и сухое и длится лишь около трех месяцев. Зимы долгие, холодные и ветреные. Дожди идут очень редко.

Приблизительно в пяти милях к западу от горы Магнитной несет свои воды река Урал. Когда-то, до того как построили плотину, это была совсем небольшая река, за исключением нескольких дней весной. В летние месяцы она почти полностью пересыхала, а зимой промерзала до дна.

Сама «гора» на самом деле представляет собой два больших холма, поднимающихся на восемьсот футов над уровнем реки. Они гладкие, голые и совсем неинтересные.

Такова география Магнитогорска. Такой же она была и много веков назад, когда монголы и татары проносились по этим местам, мчась от берегов Тихого океана до Центральной Европы и обратно, и когда кочевники и в первый раз поили свои стада водой в верховьях Урал-реки. Именно тогда, в те беспокойные столетия, в нескольких милях от истоков этой реки, на ее берегу и появилась маленькая деревенька. Жившие в ней башкиры занимались в основном скотоводством. Деревня была совсем невелика и состояла из нескольких грубо сделанных земляных хижин.

Жители деревни заметили два гладких холма, лежавших милях в восьми от их жилищ на том же берегу реки. Они назвали их Ай-Дерлюй и Аташ, но вообще-то обращали на них мало внимания. Гораздо больше интересовала их ровная долина, на которой местами росла довольно густая трава и можно было пасти скот.

Холодные ветреные зимы и жаркие пыльные лета шли чередой. Мчались мимо века, а жизнь деревни менялась очень мало. Дожди шли так редко и скудно, а почва была так неплодородна, что даже трава росла плохо. Тем не менее жители деревни постепенно стали заниматься земледелием. Они научились сеять зерно в низинах у реки, где не требовалось затрачивать слишком много труда и сил на поливку посевов вручную. Таким образом, их культура развивалась очень медленно. И в начале восемнадцатого века, когда сюда прибыли первые русские, деревня была еще на стадии перехода к земледелию. Была сооружена военная застава в Челябинске, приблизительно в ста двадцати милях к северо-западу. Отсюда и приехали в деревню русские, они искали минералы и полезные ископаемые, составляли карты и пытались собирать налоги и подати. Иногда им это удавалось. Иногда скотоводы их убивали. Они никогда не оставались здесь надолго.

Потом один из русских заметил, что стрелка его компаса странно отклоняется под действием этой горы Ай-Дерлюй. Он назвал эту расположенную рядом с горой деревню Магнитная и уехал. Следующей весной он возвратился, приведя с собой людей с лопатами и съестными припасами. Они стали копать землю на склонах Ай-Дерлюй и нашли там богатые залежи руды. Некоторые из этих людей прожили здесь все лето и продолжали копать. Сначала жители деревни проявляли любопытство, но потом потеряли к этому интерес.

В 1747 году сюда приехал предприимчивый русский помещик и промышленник Мясников и начал заниматься здесь горным делом. Он привез с собой крепостных из Центральной России. Он кормил их мясом, которое покупал за бесценок у башкирских скотоводов. Крепостные работали по многу часов и летом спали на земле. Дела у Мясникова шли хорошо. В теплое время года руду выкапывали на склоне горы и складывали кучами. Когда наступила зима, руду переправляли на санках по занесенной снегом степи в Белорецк, находившийся на расстоянии более семидесяти миль отсюда. Там ее плавил, используя древесный уголь, в горнах небольших доменных печей – «чайниках», которые давали несколько тонн железа в день⁹.

В 1753 году Мясников и его партнер Твердищев получили целиком гору Магнитную в дар от царицы Елизаветы Петровны. Потребовалось немало денег на взятки всем посредникам в этом деле, набившим себе на нем карманы, но дело того стоило.

Несколько лет спустя шахта и плавильный завод в Белорецке были проданы и после каких-то сомнительных сделок перешли в руки и стали собственностью Вогау (Фогау? – Перев.) и компании – металлургической корпорации, большая часть акционерного капитала которой принадлежала французам и бельгийцам. Добыча руды встала на более деловую основу. Ежегодно добывали и отправляли двести тонн руды. Затраты на производство и транспортировку составляли три-четыре копейки за пуд, или, иначе говоря, что-то около двух рублей за тонну.

На протяжении полутора веков богатые запасы полезных ископаемых и руд Уральских гор «разрабатывались» молодым промышленным капитализмом. К 1913 году работы были рационализированы и выпуск продукции увеличился до пятидесяти тысяч тонн руды в год. (Такое количество сейчас производится за два дня.) Крепостных больше уже не использовали в качестве рабочей силы. Вместо них нанимали людей из местного населения – башкир и киргизов, а также русских – на временную работу, выплачивая им всем жалованье.

Хотя работы были организованы лучше, чем прежде, и было установлено кое-какое оборудование, все же основные процессы оставались такими же, как в восемнадцатом веке. Перевозили руду на санках и лошадях. Люди и животные были единственными рабочими мощностями. Не было ни железных дорог, ни электричества, никакого современного оборудования. Работы велись варварским способом: руду выкапывали, снимая поверхностный слой земли; ничего не предпринималось, чтобы усовершенствовать шахту и создать более благоприятные

⁹ До сорока тонн. – Примеч. автора.

условия для будущих разработок и извлечения руды. При этом верхний слой земли отбрасывали и сваливали в кучу где-нибудь поблизости, а потом эту кучу снова приходилось перебрасывать, когда надо было расширить углубление в земле, откуда вынимали руду.

Глава III

До войны¹⁰ обитатели деревни Магнитной и значительная часть рабочих-рудокопов были башкиры и киргизы. Это были азиатские народности, которые много унаследовали в историческом и культурном отношении от турок, монгол, татар и русских. Языки киргизов и башкир были похожи и родственны турецкому языку.

Киргизия находится в тысяче пятистах милях к юго-востоку от Магнитной. Это дикая гористая местность со множеством озер и несколькими ледниками. Перед войной¹¹ сельское хозяйство здесь было почти не развито. Огромные массы киргизов-полукочевников обеспечивали свое существование, занимаясь скотоводством, выращивая отары овец и стада другого скота. Они подвергались двойной эксплуатации – и со стороны местных киргизских баев, и со стороны русских колонистов и сборщиков налогов. Их культурный уровень был очень низким. У киргизов не было письменности. Девяносто пять процентов населения было неграмотно. Не было ни врачей, ни школ, ни культурных заведений.

В начале восемнадцатого века Киргизия была опустошена непонятной кровавой смутой, и часть киргизских скотоводов из многих районов переселилась в другие части страны. Некоторые из них ушли в северном направлении и смешались с башкирами, татарами и казахами, жившими к северу и северо-западу от Киргизии. Таким образом, та часть Южного Урала, где находилась деревня Магнитная, была населена людьми, в жилах которых текла кровь их киргизских предков¹².

Вот так и случилось, что в деревне Магнитной жили киргизские и башкирские скотоводы, еще только начинавшие возделывать землю, неграмотные, некультурные, дикие и по традиции, сопротивлявшиеся внешним влияниям.

В самом начале, когда рудокопы впервые появились на склонах горы, обращенных в сторону Урал-реки, жители деревни возмущались и негодовали. Позже многие из них нанимались на работу по перевозке железной руды в Белорецк и таким образом превратились в пролетариев, наемных рабочих еще не существующего капитализма, в то время как их культура оставалась на уровне между варварством и цивилизацией. Они выполняли свою работу, получали свою зарплату и узнали, что могут на эти деньги покупать водку, ситец и табак. Они почувствовали вкус ко всем этим вещам и уже никогда больше не возвращались к своим стадам. Они становились шоферами, шахтерами, черно- и разнорабочими и оставались ими до окончания строительства Магнитогорска, после чего многие из них овладели различными специальностями и стали квалифицированными рабочими и техниками.

Эти выходцы из племени всегда хорошо помнили, к какой национальности они принадлежат. Они учили своих детей только киргизскому и башкирскому языкам и старались овладеть русским лишь настолько, насколько это было необходимо им для работы. Даже теперь дети ходят преимущественно в те школы, где преподавание ведется в основном на их собственных языках (для которых большевики разработали алфавиты). Во многих случаях люди сохраняют свою национальную одежду. В массе они продолжают оставаться не ассимилированным элементом в огромной агломерации русских, украинцев, евреев, латышей, финнов, немцев и людей всех остальных национальностей, пришедших строить Магнитогорск.

¹⁰ Имеется ввиду первая мировая война 1914 года. – Примеч. переводчика.

¹¹ Имеется ввиду первая мировая война 1914 года. – Примеч. переводчика.

¹² См. Приложение (1). – Примеч. автора.

Глава IV

Революция 1917 года не оказала немедленного воздействия на шахтеров и скотоводов, живших в районе Магнитной. Они продолжали, как обычно, заниматься своим делом, хотя стало труднее покупать вещи и нарушилась работа транспорта.

Затем началась гражданская война. Пришли русские шахтеры с винтовками за плечами и стали вести непонятные беседы о Советской власти, об экспроприации капиталистов и захвате земли крестьянами.

Некоторые более молодые жители деревни покинули родные места и присоединились к красным партизанам. Другие вступили в белую армию генерала Колчака, пришедшую на Урал из Сибири. Однако в окрестностях Магнитной было немного военных действий. Обе стороны предпочитали сражаться там, где был лес, который можно было пустить на растопку, и было побольше еды.

Наконец, колчаковская армия, получившая подкрепление от чехов, японцев и других стран, перешла в наступление, захватила, территорию, простирающуюся на восток до самой Волги, и присоединила ее к своей сибирской империи. Обитателям деревни пришлось столкнуться с еще невиданными ограничениями, притеснениями и лишениями. Их имущество было конфисковано, их мужчин забрали в белую армию, а их скот был съеден солдатами многонациональной армии, стремящейся уничтожить большевиков и восстановить феодально-капиталистический строй в России.

Военные действия продолжались с одинаковой жесточенностью по обеим сторонам колчаковской линии. Добыча железной руды полностью прекратилась. Население стало еще беднее, чем раньше. Никто не знал, какие исторические ценности поставлены на карту. Все они знали, что Колчак является представителем помещиков и капиталистов, а Красная Армия отдает землю крестьянам, а шахты и фабрики – рабочим, что она прогоняет ненавистных сборщиков податей и налогов, лишает белых офицеров званий или расстреливает их.

Через три года гражданской войны Колчак и его армия были изгнаны с Урала и отброшены к Тихому океану. Деревня Магнитная узнала об этом только после окончательного разгрома Колчака. Жители деревни знали только, что от него освободились. Они собрали свои сильно уменьшившиеся и разбредшиеся по окрестностям стада, заново отстроили дома и попытались вновь найти какую-то основу, чтобы получить средства к существованию. Однако это было очень трудно. Промышленность страны была парализована. Транспортная система полностью разрушена. Не было ни материальных резервов, ни продовольствия. Семь лет войны, революции, голода и гражданской войны довели страну до такого положения, которое можно сравнить с состоянием человека, избитого чуть ли не до смерти.

В 1924 году общий объем промышленного производства России составил 10–15 процентов от уровня 1913 года. В последующие четыре года страна боролась за то, чтобы встать на ноги с помощью новой экономической политики. Иностранные концессии и развитие до некоторой степени частного предпринимательства облегчили восстановление.

В этот период, пока для укрепления советской экономики с успехом использовались старые капиталистические способы, шла яростная борьба между различными фракциями в руководящих группах Советского Союза. Сталин победил, уничтожил своих врагов и приступил к реализации тех мер, которые считал необходимыми.

Программа Сталина, по существу, была националистической. Она строилась на утверждении, что социализм можно построить и он будет построен в одной стране – Советском Союзе, тогда как Ленин рассчитывал на революции в Центральной Европе, которые помогли бы отсталой России на ее трудном пути к социализму. Сталин надеялся на способность Советского Союза обеспечить себя всем необходимым и самому себя защищать.

Для того чтобы построить социализм и защитить его от нападений, которые, как думал Сталин, обязательно будут, требовалось создать собственную тяжелую промышленность, коллективизировать и механизировать сельское хозяйство. За осуществление этих колоссальных задач взялись в конце двадцатых годов. Первый пятилетний план предусматривал перестройку национальной экономики и создание новых отраслей промышленности, новых промышленных районов. Одним из наиболее важных проектов было создание базы тяжелой индустрии на Урале и в Сибири вне досягаемости любого агрессора, которая смогла бы снабжать страну оружием, машинами и станками в огромных количествах.

Этот проект имел несколько больших преимуществ. Во-первых, запасы железа в Магнитогорске уже на протяжении многих лет были известны во всем мире как одни из богатейших. Руда находилась прямо на поверхности и содержала до 60 процентов железа. Залежи угля Кузбасса в Центральной Сибири были почти уникальны. В некоторых местах мощность пластов достигала трехсот футов. Эти два огромных нетронутых источника сырья, связанные в единое металлургическое объединение, гарантировали создание ничуть не уступающей Соединенным Штатам базы, которая в будущие десятилетия смогла бы удовлетворять растущие потребности страны в чугуне и стали. Во-вторых, и Магнитогорск, и Кузнецк находились в центре страны, приблизительно в двух тысячах миль от любой из границ, и, таким образом, интервененты, которые, как чувствовал Сталин, рано или поздно обязательно нападут, не смогут долететь до них, даже на самых лучших своих самолетах.

Столь велики были затраты и столь огромны технические трудности, что в предреволюционное время никто никогда и не планировал создание Урало-Кузнецкой металлургической базы. Необходимые капиталовложения составили бы сумму гораздо большую, чем могли позволить себе любые фирмы или даже само царское правительство. «Поскольку эта задача была для капиталистов слишком большой и сложной, то ее предоставили решать рабочим» – сказал доктор.

Необходимо было начинать все с нуля. Не было ни железных дорог, ни баз снабжения, никаких других предприятий ни в Магнитогорске, ни в Кузнецке, ни в их окрестностях. Но Сталин и его Политбюро решили, что работа эта должна быть выполнена, и поэтому в 1928 году была предпринята серьезная попытка спроектировать Урало-Кузнецкое объединение и мощный, современный металлургический завод в Магнитогорске.

Сталин был, вероятно, одним из немногих в Советском Союзе, кто понимал, как катастрофически дорого это будет стоить. Но он был убежден, что нападение на Советский Союз враждебных капиталистических держав, которые хотели бы разорвать на части и уничтожить первое социалистическое государство, – это только вопрос времени. Сталин считал своей священной обязанностью позаботиться о том, чтобы, когда такое время наступит, агрессоры не смогли бы достичь своих целей. Все средства были хороши для решения этой задачи.

Как рассказывал мне доктор, было много дискуссий и споров среди ученых и экономистов о приемлемости такого стремительного строительства Урало-Кузнецкого комбината с целой галактикой машиностроительных и военных заводов. Первоначальные затраты уже были в два раза выше, чем при строительстве подобных объектов на Украине и в Донбассе, так как это были промышленные районы, где уже имелись и железные дороги, и линии электропередач; к тому же они находились вблизи от баз промышленного и сельскохозяйственного снабжения. О районах же вокруг Магнитогорска и Кузнецка было еще очень мало известно, геологические изыскания проводились здесь до этого времени весьма поверхностно. Не лучше ли было строить на Украине и подождать с Урало-Кузнецким объединением до тех пор, пока не будут проведены более тщательные и доскональные изыскания?

Такие возражения высказывались неоднократно в конце двадцатых – начале тридцатых годов. Строительство велось в таком темпе, что миллионы мужчин и женщин голодали, замер-

зали и были доведены до животного состояния нечеловеческим трудом и невыносимыми условиями жизни. Многие задавали вопросы: а стоит ли все это таких усилий?

Сталин пресекал эти сомнения с присущей ему Решительностью. Украина уже была захвачена немцами в 1918 году. Они снова могут вторгнуться на ее территорию. Советский Союз должен иметь такую базу тяжелой промышленности, которая была бы недоступна для вторжения, и он должен иметь ее немедленно, говорил этот грузинский большевик. А его слово было законом.

В январе 1931 года Сталин выступил с исторической речью на конференции хозяйственников. Своим неподражаемым, простым языком Сталин настойчиво объяснял необходимость ускорения темпов индустриализации. Он предупреждал русский народ, что за десять лет он должен сделать свою страну такой же сильной, как и окружающие ее капиталистические страны, иначе Россию захватят и уничтожат¹³.

Благодаря непреклонной воле, безжалостной целеустремленности и упорству Сталина были созданы Магнитогорск, Уральский и Западно-Сибирский промышленные районы. Без Сталина эта работа не была бы сделана.

¹³ См. Приложение (2). – Примеч. автора.

Глава V

Когда арктическая зима внезапно сменилась весной, Магнитогорск изменился до неузнаваемости. В начале апреля все еще было очень холодно; у нас не было почти ни одной оттепели; все было накрепко сковано морозом. К 1 мая земля оттаяла и город плавал в грязи. Мы выходили из бараков и тут же увязали в ней. Кучи мусора и туалеты, находившиеся на улице, тоже оттаяли; надо было немедленно вывезти все, накопившееся там за зиму, чтобы избежать заражения. Стало почти невозможно проводить сварку, так как наши оборванные кабели коротило на каждом шагу.

Приблизительно в это же время я заметил, что мой друг – доктор очень занят. Позже он рассказал мне, что случилось. В трех местечках неподалеку от Магнитогорска началась бубонная чума. Три деревни были окружены войсками и изолированы. Пятьдесят лет назад в этих деревнях было бы уничтожено все живое, рассказал мне доктор. Царская Русь очень быстро решала вопрос с эпидемией чумы – войска сжигали все, находившееся в зараженных областях. Теперь же такие меры не принимали, но весь медицинский персонал Магнитогорска был мобилизован, чтобы подготовиться на случай возможной вспышки чумы в городе. Сопrotивляемость организма у людей была очень низкой из-за плохого питания в течение зимы и постоянной сверхурочной работы. Санитарные условия, особенно во время таяния снега, были ужасающими.

Врачи разделили город на восемь участков и подготовились к возможной полной изоляции их друг от друга. Было сделано многое, но доктор рассказал мне, что если эпидемия достигнет Магнитогорска, то, он полагает, будет невозможно локализовать ее только на каком-либо одном из участков города.

Через две недели солнце уже высушило землю и у нас стало тепло, как летом. К середине мая жара стала невыносимой. В бараках нас пожирали клопы и другие насекомые-паразиты, а на работе мы с трудом справлялись со своими обязанностями. Мы, привыкшие сопротивляться холодам, были выбиты из колеи жарой.

Фактически магнитогорское лето напоминает лето в Вашингтоне (округ Колумбия), единственное отличие состоит в том, что в Магнитогорске оно более засушливое. Три месяца не было дождей. Для земляных работ башкиры использовали верблюдов, тогда как в другие времена года для этой работы брали лошадей. Степь совсем высохла и стала похожа на пустыню.

В середине-июня мы сдали экзамены в Комвузе, он закрылся до сентября, и я с восторгом обнаружил, что у меня появилось много свободного времени. Я стал часто навещать моего друга Андре, американца украинского происхождения, присланного в Магнитогорск компанией «МакКи»; он работал в технических архивах, находившихся в подвальном помещении административного здания комбината. Это было самое прохладное место в Магнитогорске. Андре никогда не бывал слишком занят и всегда мог прервать свою работу, чтобы выкурить сигарету и поболтать о том о сем.

Я заинтересовался архивами. Огромный подвал был разделен на несколько помещений аккуратными рядами полок. Здесь хранилось более ста тысяч планов и проектов, подшитых в папки. Инженеры и техники со всего комбината приходили в архив каждый день, чтобы выяснить тот или иной технический вопрос, и штат сот рудников архива, состоявший из восьми или десяти человек, был постоянно занят тем, что печатал и подшивал копии на папиросной бумаге, кальки и чертежи новых агрегатов по мере того, как их получали из Москвы, Ленинграда или чертежно-конструкторского отдела комбината. Я провел два или три вечера, просматривая проекты для Магнитогорска, и страшно увлекся этим делом. Я попросил Колю перевести меня в вечернюю смену и почти в течение целого месяца проводил каждый вечер, роаясь

в архивах или в технической библиотеке, находившейся в том же здании, в поисках интересных фактов о Магнитогорске.

Глава VI

Первый серьезный проект Магнитогорского металлургического комбината был подготовлен в 1928 году Гипромезом – ленинградской проектной организацией, занимающейся проектированием предприятий металлургической промышленности¹⁴. Согласно этому проекту, намечалось построить завод, который хотя и был довольно большим для России, но по сравнению с новейшими промышленными предприятиями Соединенных Штатов был гораздо меньше как по своим размерам, так и по производственным мощностям. Он был в пять раз меньше сталелитейного завода в Гэри, штат Индиана.

Ровно через год партия и Всесоюзный совет народного хозяйства приняли решение увеличить мощность будущего завода в Магнитогорске, с 656 тысяч до 2,5 миллиона тонн чугуна в год. К этому решению пришли после обсуждения достижений современной технологии в Соединенных Штатах и необходимости наиболее полно использовать эти достижения в Советском Союзе¹⁵.

Выполняя эту директиву, представители Советского Союза подписали контракт на сумму 2,5 миллиона долларов¹⁶ с компанией «МакКи» из Кливленда (штат Огайо) на проектирование завода и техническое руководство строительством. Необходимо было заключить контракт с иностранной фирмой-исполнителем, потому что ни одна из существовавших в то время советских организаций явно не была способна выполнить такую работу.

Приблизительно в это же время были проведены тщательные геологические и топографические изыскания в Магнитогорске и его окрестностях, в результате которых обнаружилось богатые запасы сырья, намного превзошедшие самые оптимистические ожидания. В Магнитогорске были найдены запасы железной руды, составляющие 228 миллионов тонн, причем содержание железа в этой руде было около 56 процентов и более¹⁷.

В то время как железная руда, несомненно, являлась важнейшим условием для создания металлургического завода, было и другое необходимое сырье: большие залежи огнеупорной глины, известняка, мела, доломита, магнетита, строительного песка, марганцевой руды и строительного камня. Река Урал, протекавшая мимо рудного месторождения всего лишь на расстоянии пяти миль, была источником водоснабжения, и несмотря на то, что в зависимости от времени года уровень воды в реке падал и количество ее было недостаточным, она могла бы стать основой для создания двух искусственных озер. Качество и количество залежей огнеупорной глины позволяло на месте производить столько огнеупорных кирпичей, сколько требуется. Залежи марганца позволяли добывать в количестве более чем достаточном для удовлетворения потребностей мартеновского цеха Магнитогорска.

В 1932 году возникали разногласия между компанией «МакКи» из Кливленда и советскими инженерами и администрацией. Первоначальный контракт был нарушен, проектирование прокатного стана передано немецким фирмам «Демаг» и «Клайн», в то время как более детальное проектирование коксового завода перешло американской фирме «Копперс и компания». Доменная печь и горнорудные разработки были оставлены за «МакКи», а все остальное – мартен, вспомогательные цехи, транспорт, водоснабжение и т. д. – передали различным советским проектным организациям.

¹⁴ См. Приложение (3). – Примеч. автора.

¹⁵ См. Приложение (4). – Примеч. автора.

¹⁶ В то время, о котором идет речь в книге, американский доллар имел золотое покрытие, т. е. обеспечивался золотом. – Примеч. переводчика.

¹⁷ См. Приложение (5). – Примеч. автора.

Слегка забегаая вперед, надо сказать, что к 1934 году (когда весь завод в том виде, как он был запроектирован в 1928, уже должен бы быть закончен) пришли к выработке более или менее окончательного варианта, содержавшего в себе элементы различных оригинальных проектов, которые зачастую были плохо увязаны между собой. Этот проект более или менее сохраняется и теперь, хотя само предприятие, возможно, никогда не будет завершено в том виде, как это было предусмотрено первоначально.

В соответствии с проектом 1934 года Магнитогорский комплекс должен был включать в себя шахту по добыче железной руды в количестве 7,5 миллиона тонн, восемь доменных печей, восемь батарей коксовых печей, тридцать шесть мартеновских печей и шестнадцать прокатных станов¹⁸. Предполагалось, что затраты на строительство превысят 2,5 миллиарда рублей¹⁹.

Согласно данному проекту Магнитогорск в законченном виде должен был стать крупнейшим в мире металлургическим комбинатом непрерывного производства от шахты до прокатного стана. В соответствии с решением XVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, состоявшегося в 1934 году, комбинат должен был быть завершен к концу второго пятилетнего плана, то есть в декабре 1937 года; помимо этого, должно было в основном завершиться строительство (стоимостью около одного миллиарда рублей) образцового социалистического города на двести тысяч жителей.

Эти грандиозные планы были выполнены приблизительно только на сорок пять процентов. Четыре доменные печи, двенадцать мартеновских печей, дюжина прокатных станов и соответствующее количество других агрегатов, предусмотренных планом, были построены и пущены в строй к 1938 году, после чего строительство фактически прекратилось²⁰.

¹⁸ См. Приложение (6). – Примеч. автора.

¹⁹ См. Приложение (7). – Примеч. автора.

²⁰ См. Приложение (8). – Примеч. автора.

Глава VII

История строительства в Магнитогорске была захватывающей. За несколько лет во время экскавационных работ было выкопано полмиллиарда кубических футов грунта, залито сорок два миллиона кубических футов железобетона, положено пять миллионов кубических футов огнеупорных кирпичей, установлено и смонтировано стальных конструкций общим весом в четверть миллиона тонн.

Это было сделано без достаточного количества трудовых ресурсов и самых элементарных материалов. Бригады молодых энтузиастов из всех уголков Советского Союза прибыли сюда летом 1930 года, проложили полотно железной дороги и построили плотины, что необходимо было сделать до того, как начнется строительство завода. Позже в Магнитогорск стали приходить группами местные крестьяне и пастухи из окрестных деревень, потому что условия в деревне из-за коллективизации ухудшились. Многие из этих крестьян были совсем незнакомы с промышленными процессами и инструментами. Им пришлось начинать все с самого начала и учиться работать коллективно. Тем не менее они так хорошо все освоили, что первая плотина, перебродившая Урал-реку, была закончена шестого апреля 1931 года, и озеро стало заполняться водой. Уже через два года оно достигло пяти миль в длину и обеспечивало город и завод водой в достаточном количестве на протяжении первой половины строительства.

В первом квартале 1931 года начались земляные работы и закладка фундамента основных цехов завода, и в то же время начала давать продукцию железорудная шахта. Целая колония из нескольких сотен иностранных специалистов и инженеров, некоторые из которых получали зарплату до ста долларов в день, и им оплачивались все расходы, прибыла для консультации и руководства работами. Затраты исчислялись миллионами (170 миллионов рублей в 1931 году).

Несмотря на трудности, работа шла гораздо быстрее, чем предполагали наиболее оптимистично настроенные иностранцы, однако намного медленнее, чем этого требовали химерические планы Советского правительства. В конце 1931 года были готовы к пуску первая батарея коксовальных печей и доменная печь № 1. Первого февраля 1932 года в Магнитогорске был выплавлен первый чугун.

Выполнение плана за первый квартал 1932 года составило 44,9 процента. Выполнение плана по строительству города практически равнялось нулю. Почти все рабочие жили в палатках или временных бараках. Решение правительства закончить строительство Магнитогорского завода к концу 1932 года номинально все еще сохраняло силу, хотя фактически любому было ясно, что это лишь мечты. Различные московские организации критиковали друг друга за саботирование строительства Магнитогорска, и те, кто непосредственно отвечали за работу и в Москве, и в Магнитогорске, были сняты со своих постов. За год администрация менялась три раза. Каждая замена означала, что еще одна новая группа ответственных работников должна войти в курс дела, «прирабататься», и обычно приходилось обучать целую плеяду неопытных чиновников. В это время положение в стране стало очень трудным. Была затяжная и острая нехватка продовольствия. Плохое питание снижало производительность труда. Экономические трудности вызвали сокращение золотых запасов, необходимых для закупки оборудования за границей, и часто нехватку денег и соответственно задержку зарплаты в самом Магнитогорске.

Многим работающим здесь стало ясно, что совершенно невозможно выполнить решения московских организаций в том, что касалось сроков завершения сооружения различных установок. Однако высказывание такого мнения на политическом жаргоне страны называлось «правым оппортунизмом»; для членов Коммунистической партии это было достаточным основанием для исключения и снятия с работы. Проявившиеся в результате этого непорядочность и

лицемерие, которые были характерны для методов местного политического и административного руководства, не могли не сказаться на ходе самой работы и на всех, кто был с ней связан.

В течение 1932 года почти в каждом виде работ была введена сдельщина. Таким же образом была усилена финансовая подотчетность каждой отдельной административной единицы. Эти меры были направлены на то, чтобы уменьшить расходы, которые повсеместно были абсурдно высокими, и увеличить производительность труда.

Однако это не всегда давало ожидаемые результаты. Часто мастера выписывали дневную выработку произвольно, чтобы не затруднять себя подсчетом работы, сделанной каждым членом бригады. Зачастую такие подсчеты, когда они проводились, были неточными, и номинально будучи сдельной, зарплата рабочего в действительности не отражала результатов его труда. Нередко мастера, желая увеличить заработок своих рабочих, сильно завышали их выработку. Известны были случаи, когда зарплата выплачивалась за десятки тысяч кубических метров грунта, выкопанного вручную, тогда как вообще ничего не было сделано.

Тем не менее производительность труда в целом постепенно выросла в каждом цехе. Например, время, необходимое для укладки кирпича в стены мартеновских печей, сокращалось следующим образом (число каменщиков, работающих там, было постоянным): печь № 1 (июнь 1933 г.) – 30 дней; печь № 2 (август 1933 г.) – 28 дней; печь № 3 (октябрь 1933 г.) – 16 дней; печь № 4 (ноябрь 1933 г.) – 14 дней. Каменщики учились быстро.

С самого начала постоянно делались попытки механизировать различные строительные операции. Однако зачастую дорогое импортное оборудование использовалось совсем неэффективно. Подсчеты советских инженеров в Магнитогорске показали, что там экскаваторы делают только 30–40 процентов работы, которую выполняют машины такого же размера и типа в Соединенных Штатах²¹.

Одной из наиболее серьезных проблем, которую приходилось решать администрации, была нехватка рабочей силы. С 1928 по 1932 год около четверти миллиона человек прибыли в Магнитогорск. Около трех четвертей всего этого числа вновь прибывших приехали по собственному желанию в поисках работы, хлебных карточек, лучших условий. Все остальные приехали по принуждению²².

Все время не хватало квалифицированных рабочих. Это происходило в основном по вине той организации, в функции которой входила подготовка квалифицированных кадров, а также вследствие того факта, что индустриализация в других частях страны мешала набирать в большом количестве квалифицированных работников из других промышленных центров. Следующая таблица дает представление о положении с рабочей силой в начале 1933 года:

²¹ См. Приложение (9). – Примеч. автора.

²² См. Приложение (10). – Примеч. автора.

	Спрос (потребность)	Предложение (наличие)	Процент
Каменщики	959	559	58
Такелажники и монтажники	1456	815	56
Укладчики огнеупорных кирпичей	416	230	55
Плотники	3111	2600	83
Землекопы	3622	2200	61
Чернорабочие и разнорабочие (неквалифицированные рабочие)	5013	9700	194

Совершенно ясно, что многим разнорабочим приходилось выполнять работу квалифицированных рабочих. В результате этого неопытные монтажники падали, а неквалифицированные каменщики так укладывали стены, что они не могли стоять.

Недостаток рабочей силы усугублялся большими потерями рабочего времени, вызванными в основном «абсентеизмом» – прогулами – старым русским обычаем просто не выходить на работу, либо не выходить на следующее утро после выпивки, либо потому, что просто не хотелось идти на работу. С этим сурово боролись, но полностью ликвидировать так и не могли. Другой причиной потерь рабочего времени была плохая организация труда. Например, две бригады направлялись на работу, где могла работать только одна. Посылали бригаду заливать бетон в фундамент до того, как были закончены земляные работы. Рабочих посылали на такую работу, для которой не было материалов или необходимых инструментов, а также плана работ.

Социалистическое соревнование между отдельными лицами, бригадами и целыми цехами поощрялось, и оно, несомненно, способствовало увеличению выпуска продукции и производительности труда. Отчасти это было адекватным заменителем мотивов капиталистического соревнования, действующего во всем остальном мире. Зарплату выплачивали два раз в месяц, однако нередко были и задержки с ее выплатой, что было результатом нехватки денег, находящихся в обращении. Средняя дневная зарплата строительных рабочих постепенно выросла от 3 рублей в день в 1929 до 5 рублей 50 копеек в 1935 году. Нужно иметь в виду, что в то время, как номинальный курс рубля составлял около 50 американских центов до 1935 года, фактически непрерывная инфляция рубля, начавшаяся в конце двадцатых годов, нашла свое отражение в законе 1935 года, девальвировавшем рубль до двух пятых его предыдущей стоимости. Таким образом, невозможно сказать, что реальная заработная плата магнитогорских рабочих выросла с 1929 по 1935 год. Поднятие цен свело на нет увеличение заработной платы.

Низкая реальная заработная плата и плохие условия приводили к большой текучести кадров, представлявшей собой очень сложную проблему. В одной из своих первых речей, произнесенных в Магнитогорске, Ломинадзе указал на тот факт, что на одном паровозе, работающем на шахте, за один год сменились тридцать четыре машиниста. Рабочие завербовывались и отправлялись на работу в Магнитогорск, а потом, увидев, что Условия здесь плохие, увольнялись и уезжали в какое-нибудь другое место, о котором слышали, что там лучше. Единственным решением этой проблемы, несомненно, пагубно сказывавшейся на деятельности сложного

и высокоспециализированного промышленного предприятия, было улучшение условий жизни. Это подчеркивал нарком тяжелой промышленности Орджоникидзе во время своей поездки в Магнитогорск в 1933 году, и Ломинадзе и Завенягин постоянно над этим работали.

В 1932 и 1933 годах у администраторов и мастеров появилась вполне естественная тенденция просто не отпускать своих рабочих. Некоторое время, в 1933 году, рабочему было почти невозможно уволиться с работы, хотя по закону он имел право увольняться, когда бы он ни пожелал, подав заявление об увольнении за пятнадцать дней до своего ухода. Профсоюзы опасались помогать рабочим. Они боялись, что получат выговор от администрации и партийных органов за то, что они «не борются с высокой текучестью кадров». Таким образом, они занимались тем, что уговаривали рабочих остаться. Эти злоупотребления более или менее прекратились к 1936 году, но в 1938 вновь возобновились и были узаконены в 1940 году правительственным постановлением, лишившим советского рабочего права увольняться с работы без разрешения.

Еще одной болезнью, порождавшей смуту, особенно в 1932 году, было растущее число канцелярских работников. Каждая промышленная организация обзаводилась финансовым отделом, плановым отделом, экономическим отделом, техническим бюро, большим отделом снабжения и огромным штатом бухгалтеров и счетоводов. Такое раздувание штата сотрудников было вызвано плохой организацией и отсутствием компетентных опытных учреждений служащих, что и вынуждало сажать десять полуобразованных «канцелярских крыс» на такое место, где справился бы и один бухгалтер. Еще более важным фактором явилось повсеместное введение в 1932 году оплаты за сдельную работу. Такая сложная работа, как изготовление инструментов, которая в большинстве продуктивно работающих капиталистических мастерских в цехах оплачивается в зависимости от затраченного рабочего времени, стала предметом для экспериментов со сдельщиной. В результате счетоводов часто было столько же, сколько инструментальщиков. В сложившейся ситуации было ещё труднее удовлетворять потребность в рабочей силе, так как большое число квалифицированных рабочих и инженеров занимались непроизводительным канцелярским трудом.

Глава VIII

Одной из наиболее сложных проблем в Магнитогорске было снабжение. Город находился далеко от ближайшего промышленного центра. С Челябинском и другими городами Советского Союза он был связан одноколейной железной дорогой. Более того, в годы первой и второй пятилеток в Советском Союзе вообще не хватало промышленных материалов, равно как и многих продуктов питания.

В 1932–1933 годах последние запасы закупленных за рубежом огнеупорных кирпичей, слесарных инструментов, моторов, бетономешалок, электродов, проволоки, проводов и сотни других видов оборудования иссякли. Русские рабочие стали зависеть от советской промышленности в целом или же от своих собственных цехов, которые должны были производить все, что им необходимо, за исключением самой сложной и тонкой техники, такой, как пирометры и моторы прокатных станков, поэтому их продолжали импортировать ещё в течение нескольких лет. Рабочие Магнитогорска вынуждены были сами доставать себе молотки, стамески и зубила, пилы, буравы, мелкие литейные формы и другие небольшие инструменты, которые можно было изготовить во временных цехах и мастерских. Многих материалов, в том числе таких, например, как медная проволока для замены обмотки моторов, просто не было. Рабочие бранили мастера, мастер жаловался управляющему, отдел снабжения слал телеграммы в Москву. Медной проволоки не было.

Самой сложной и запутанной была проблема снабжения производства строительными материалами. Зимой все лесоматериалы исчезали тоннами в домах рабочих, использовавших их в качестве топлива. Не из чего было строить подмости и леса. Прибывающий вагон стройматериалов становился причиной отправки телеграмм Орджоникидзе, а иногда даже и Сталина для того, чтобы решить, какой из многих организации-претендентов должны отдать этот драгоценный груз²³.

Организационные недостатки часто еще более усугубляли трудности в снабжении. Прибывало много материалов, которые либо были абсолютно не нужны, либо могли не понадобиться еще долгие годы. Такие материалы и оборудование фигурировали в конторских книгах как «выполнение плана по снабжению», хотя на самом деле их ценность составляла величину отрицательную, поскольку их еще надо было где-то хранить. В 1933 году стоимость имевшихся в наличии материалов составляла шестьдесят миллионов рублей, то есть около 60 процентов от общего бюджета по строительству на этот год²⁴.

Большое количество материалов и оборудования пропадало, расходовалось впустую или оставалось неиспользованным. В 1935 году начались земляные работы, стали рыть котлован для закладки фундамента второго мартеновского цеха. Когда работы начались, снабженческие организации послали людей на строительную площадку, чтобы востребовать и забрать оттуда оборудование. Я наблюдал, как они спорили из-за катушек стального кабеля, рельсов, угольников, вспомогательных двигателей, электрооборудования, бетономешалок, которые были там выкопаны. Все это оборудование было засыпано землей из-за бездумности и равнодушия в 1931 и 1932 годах, когда шли экскаваторные работы для котлована первого мартеновского цеха. Когда это оборудование нашли, его ценность существенно уменьшилась. Электромоторы не могут пролежать похороненными под слоем земли пять лет и при этом не обесцениться в значительной степени.

²³ См. Приложение (12). – Примеч. автора.

²⁴ См. Приложение (13). – Примеч. автора.

Строительные работы задерживались из-за отсутствия материалов, а еще больше – из-за нехватки оборудования²⁵. На 1 января 1934 года получили и установили только 21 процент запланированного оборудования. Помимо невыполнения плана по поставкам существовал интересный феномен в центральном складе, известный как «нулевой склад». В нем хранилась коллекция оборудования, которое так и не было доставлено по назначению и установлено, потому что либо не было никаких указаний на то, кто является его получателем, либо не смогли отыскать адресата, а иногда и вообще без всяких на то причин. На этом складе я видел двухтонный ротор производства фирмы «Сименс-Шукерт». Не было никаких следов или указаний на местонахождение того мотора, частью которого был этот ротор. Его купили в Германии, заплатили за него золотом, а он пролежал долгие годы, портясь, разрушаясь и ветшая на магнитогорском нулевом складе. Кроме ротора, я обнаружил оборудование для производства обуви, разрозненные подшипники, запасные части для всевозможных моторов, токарные станки, электрооборудование, фрезерные станки, части от автомобилей и целую кучу отливок, литейных форм, поковок и каких-то частей от станков или машин, о назначении которых можно было только догадываться.

Продукты, косвенно тоже необходимые для строительных работ, достать было так же трудно, как и промышленные материалы. Каждая производственная организация должна была обеспечивать питанием своих рабочих. Она выдавала продовольственные карточки, а затем пыталась отоварить их согласно перечисленным в них пунктам. Однако очень часто ей не удавалось этого сделать. В 1932 году в продовольственной карточке монтажника, выдаваемой ему на месяц, значилось следующее:

хлеб. . 30 килограммов
мясо. . 3 «
сахар. . 1 «
молоко. . 15 литров
масло. . 1/2 килограмма
крупы. . 2 «
картофель.. по мере доставки

Однако на протяжении всей зимы 1932–1933 года монтажники не получали ни мяса, ни масла, и почти не видели сахара и молока. Им выдавали только хлеб и немного крупы. В магазине, к которому они были прикреплены, они могли купить не по карточкам духи, табак, «кофе» (суррогат), а иногда мыло, соль, чай и леденцы. Однако этих товаров почти никогда не было в продаже, а когда их привозили, то рабочие порой оставляли работу и с гаечным ключом в руках бежали в магазин, чтобы, пробив себе дорогу, получить полфунта каменных леденцов.

Помимо продуктов, приобретаемых в магазине, рабочие ели раз в день, также по карточкам, в одной или нескольких столовых, имеющих при каждом производственном объединении. Карточную систему в столовых было очень трудно отменить, потому что мастера и администрация, пытаясь стимулировать своих работников, выдавали им дополнительные карточки на питание в столовых. Таким образом, в 1933 году восемьсот рабочих Магнитогорского сварочного треста съели две тысячи обедов. Однако, поскольку в центральной конторе снабжения знали, что в сварочном тресте работает только восемьсот рабочих, то они отпускали продуктов ровно на восемьсот обедов, и директору столовой приходилось их разбавлять. Поэтому качество обедов ухудшалось. В начале 1933 года в столовой № 30 человеку, работающему на большой высоте при температуре 50° ниже нуля, необходимо было съесть два или три обеда, чтобы действительно наесться.

²⁵ См. Приложение (14). – Примеч. автора.

Глава IX

Финансирование строительства производилось Промышленным и Государственным банками, имевшими колоссальный штат экспертов-специалистов, нередко наступавших на любимую мозоль планово-финансовым отделам Строительного управления. Часто банки не получали того количества денег, которое им полагалось, из-за тезаврирования валюты, а также и потому, что производственный план Магнитогорска по выпуску продукции не выполнялся и запланированное количество чугуна и стали не было отгружено и отправлено, что означало дефицит на счету Магнитогорска в Московском государственном банке. Вследствие этого часто не хватало денег даже на зарплату рабочим и служащим, не говоря уже о средствах на городское строительство, и еще сотню других нужд, предусмотренных планом. Более того, строительные организации постоянно перерасходовали свои бюджеты²⁶.

На комбинате, на работе и в городе я постоянно ощущал, как потом и кровью строился Магнитогорск. В архивах Андре я увидел, как это втискивается в рамки статистического обобщения. Как только я чувствовал раздражение по какому-то поводу – скажем, двухнедельной задержки зарплаты, я шел в архивы и находил утешение в сообщениях, что Магнитогорск теряет миллионы рублей в месяц и что банк в этом месяце недополучил денежных поступлений на сумму 4 миллиона рублей, потому что в Магнитогорске нечего было купить и рабочие хранили свои деньги в чулке и под подушкой или даже отсылали их домой в деревню. Я находил удовлетворение и в том, что несмотря на немыслимые трудности Магнитогорск уже выпускает около 10 процентов от всего количества чугуна, производимого в стране.

²⁶ См. Приложение (15). – Примеч. автора.

Глава X

Главкомандующим Магнитогорска был директор комбината. Он осуществлял свое руководство через администрацию. Абрам Павлович Завенягин был директором Магнитогорска с 1933 по 1936 год. Он родился в 1901 году в семье инженера-путейца. В 1918 году находился на ответственной партийной работе и был членом военно-революционного комитета своего района. В 1919 году его назначили редактором районной газеты в Рязани. Вплоть до 1923 года он был партийным работником, а затем его послали в Москву учиться в Московский горный институт. В этом институте Завенягин провел семь лет – сначала студентом, потом деканом, а затем и директором. Он был прекрасным химиком и хорошим организатором. В течение трех лет Завенягин занимал различные ответственные посты в горнодобывающей и металлургической отраслях, а в августе 1933 года его назначили директором Магнитогорска, где он показал себя способным руководителем. На XVII съезде партии²⁷ он был избран кандидатом в члены Центрального Комитета, а в 1936 году, после трех лет довольно успешной работы в Магнитогорске, его назначили заместителем народного комиссара тяжелой промышленности.

В 1933 году Завенягин был фактически хозяином Магнитогорска. Он контролировал поставки, всю администрацию комбината, строительство и снабжение города, общественные службы, строительство учебных заведений, здравоохранение и транспорт. Многие из этих функций были узурпированы администрацией комбината у других организаций (комиссариата здравоохранения, городского Совета, комиссариата образования и т. д.). Это ненормальное положение сложилось в результате того, что у администрации комбината были деньги и люди, чтобы по крайней мере попытаться построить необходимые учебные заведения, больницы, трамвайные линии и т. д., тогда как городской Совет, например, был хронически неплатежеспособен, а его руководство – недостаточно компетентно.

²⁷ Февраль 1934 года. – Примеч. автора.

Глава XI

Однажды во второй половине дня меня поехали в большой зал профсоюзов слушать речь Ломинадзе, секретаря райкома партии. Я был в числе нескольких иностранцев, на которых пал выбор потому, что мы знали русский и, присутствовав на заседании, могли потом рассказать всем остальным, о чем говорил партийный начальник.

Речь Ломинадзе была, как всегда, воодушевленной, энергичной, со многими интересными примерами имеющихся недостатков. Позже мне предоставилась возможность познакомиться с этим человеком, и наше знакомство с ним длилось почти два года, вплоть до его смерти.

Грузин Ломинадзе, ранее возглавлявший Коммунистический интернационал молодежи, был мужчиной необъятных размеров, чье громадное тело заплывало жиром. Он был чрезвычайно близорук и постоянно щурился. Интересна его биография. Он был на подпольной работе в Германии, помогал организовывать политические выступления в Кантоне в 1927 году, где, по его собственным словам, провел лучшие дни своей жизни. Возвратившись в Москву после падения Кантонской коммуны, он стал главой КИМа (Коммунистического интернационала молодежи) и оставался на этом посту вплоть до 1930 года. В это время его политические взгляды стали меняться. Он и Сергей Серцов были лидерами «блока право-левых» – последней оппозиционной группы, которая предпринимала какие-то попытки вести открытую деятельность внутри Центрального Комитета партии. Они были не согласны со Сталиным по некоторым, не представляющим особой важности вопросам аграрной политики. Однако существовали и другие разногласия. Ломинадзе, посетив многие страны и будучи чрезвычайно культурным человеком, хорошо знал немецкую литературу, был прекрасным критиком и даже немного писал сам. Он вобрал в себя слишком много элементов западноевропейской буржуазной цивилизации, чтобы быть безропотным свидетелем холодного, бесцветного догматизма и жестокости Сталина как руководителя партии.

Как бы то ни было, «блок право-левых» был запрещен в 1930 году. Ломинадзе исключили из состава Центрального Комитета, освободили от занимаемого им поста в КИМе и отправили «в низы» – на работу в заводской комитет. Он возглавил партийную организацию важного авиадвигательного завода и работал там настолько хорошо, что через два года его наградили орденом Ленина и послали в Магнитогорск первым секретарем районного комитета партии. На XVII съезде ему было разрешено выступить и зачитать самоуничтожительную речь, в которой он осуждал свое отклонение от линии партии. С самого первого дня своего приезда в Магнитогорск Ломинадзе работал, не щадя сил. Прекрасный оратор, он произносил одну речь за другой, обращаясь к административно-хозяйственным работникам, инженерам, рабочим, разъяснял, убеждал, уговаривал, ободрял и воодушевлял. Он требовал величайшего самопожертвования от своих подчиненных, которых, между прочим, имел обыкновение выбирать из круга своих личных друзей. Многие из них, так же, как и он сам в то или иное время были связаны с какими-либо оппозиционными группами.

Руководя партийной организацией, Ломинадзе держал в своих руках множество нитей. В каждом цехе, учреждении, банке, железнодорожной станции, школе и шахте была партийная ячейка. Директора и управляющие промышленных объектов обычно были членами партии. Авторитет партии среди рабочих был огромен. Таким образом, Ломинадзе мог дать почувствовать свое влияние сотням тысяч людей во всех сферах жизни. Партия постоянно проводила агитационную и пропагандистскую работу, разъясняя рабочим, ради какой цели они трудятся и как её достичь. Партия была тем источником инициативы и энергии, которые двигали дело вперед. Хотя иногда партия допускала ошибки и зачастую создавала напряжение, ведя ненуж-

ные интриги и ища инакомыслящих, но, в общем и целом, Магнитогорск не был бы построен так быстро без партии.

Союз коммунистической молодежи (комсомол), профсоюзы и советские организации работали гораздо менее эффективно, чем партия. Эти организации иногда месяцами не проводили общих собраний. Руководители сидели в своих кабинетах, почти полностью утерев связь с членами своих организаций, и практически не контролировали выполнение принятых решений. За исключением совета барака, состоявшего из пяти человек, выбираемых всеми проживающими в нем для решения вопросов, связанных с повседневной жизнью. Советы значили очень мало для рабочих из барака № 17.

Законы социального обеспечения, исполнение которых было непосредственно связано с деятельностью профсоюзов, проводились в жизнь успешно. Все пользовались отпусками с сохранением зарплаты, оплачиваемыми больничными листами, бесплатным медицинским обслуживанием, домами отдыха и воспринимали все это как должное. Служба социального обеспечения оценивалась высоко, но обычно в этом видели одно из проявлений Советской власти в целом, режима большевиков вообще, а не результат деятельности профсоюзов.

Глава XII

Организация, чья деятельность была действительно важной и имела далеко идущие последствия, – это ГПУ (с 1934 года НКВД), Государственное политическое управление, или Политическая полиция. В функции этой организации входили: наблюдение за классовыми врагами, защита политических руководителей от покушений, раскрытие и проведение судебного расследования деятельности «контрреволюционных групп», шпионских организаций и организаций по саботажу, спекулянтов иностранной валютой и политических оппозиционеров. «Спецотделы», или специальные отделы, имевшиеся в любой организации в городе и на комбинате, были напрямую связаны с районным ГПУ и занимались наблюдением за работниками данной организации. До 1935 года деятельность ГПУ в Магнитогорске почти полностью ограничивалась этим молчаливым, незаметным контролем. Арестов было мало. Но материал, накапливавшийся в досье, пригодился позже, во время большой чистки, ударившей по Магнитогорску со страшной силой в 1937 году.

Около пятидесяти тысяч магнитогорских рабочих непосредственно находились под наблюдением ГПУ. Почти восемнадцать тысяч раскулаченных зажиточных крестьян (таких, как Шабков) и от двадцати до тридцати пяти тысяч преступников: воров, проституток, расстратчиков, выполнявших под конвоем работу, не требовавшую никакой квалификации, – все эти люди и были той рабочей силой, которая была необходима, чтобы копать землю для фундамента, возить на тачках бетон, выгребать и убирать лопатами шлак, делать другую тяжелую работу. Эти преступники, известные как «итековцы»²⁸, были обычно изолированы от остальной части города. Они ходили на работу под конвоем, ели в специальных столовых и почти ничего не получали, поскольку жилье и еда предоставлялись им бесплатно. Многие из них имели небольшие сроки заключения – от одного до пяти лет, и очень часто за хорошее поведение им уменьшали эти сроки наполовину.

Один из сварщиков, с которым я работал в 1933 году, впоследствии стал работником администрации ИТК, и у меня была возможность взглянуть на «исправительную» работу, проводившуюся среди этих заключенных. У них были драмкружки, клубы, они ходили в кино, посещали курсы, где их учили читать и писать, делать задачи на сложение и вычитание. Однако основная их функция заключалась в том, чтобы работать. Система социалистического соревнования заставляла различные бригады чувствовать большой интерес к работе и добиваться высокой производительности, так как пайки, степень свободы и продолжительность срока заключения часто зависели от выполняемой работы. Они работали положенный по закону восьмичасовой рабочий день, который в напряженные периоды удлинялся до девяти или десяти часов по усмотрению администрации комбината.

Однажды, возвращаясь домой с работы, я стал свидетелем любопытной сценки – передо мной была бригада, состоявшая из сорока или пятидесяти священников православной церкви, одетых в грязные, изодранные черные рясы. У всех были длинные волосы, у некоторых даже до пояса. Они упорно работали заступами и лопатами, срывая небольшой холмик. Курносый деревенский парень сидел неподалеку на бугорке, положив на колени старую винтовку, и безмятежно наблюдал за ними. Я спросил одного из священников, за что он здесь, но он даже не ответил мне.

²⁸ ИТК – исправительно-трудовая колония или исправительно-трудовой лагерь. – Примеч. автора.

Глава XIII

Один или два вечера в неделю у меня не было Занятий. В этих случаях я иногда шел в Березки – маленький пригород, где жили «валютные» иностранцы (получавшие зарплату в валюте) и высокие советские должностные лица. Березки представляли собой замкнутый маленький мирок. Большинство магнитогорских рабочих понятия не имели, кто там живет и как.

Березки, или «Американский город», как его иногда называли, состоял приблизительно из ста пятидесяти домов, расположенных между двумя холмами милях в пяти от комбината. Эти дома были хорошо построены, в большинстве из них были каменные стены и металлические крыши, и во всех домах – водопровод и центральное отопление. Здесь жили триста или четыреста немецких и американских специалистов, которые получали зарплату золотом и работали либо непосредственно на Советское правительство, либо на иностранную фирму, чье оборудование они устанавливали. Было сделано все, чтобы создать для этих специалистов условия, близкие к тем, к которым они привыкли у себя на родине. В магазине для иностранцев – Инснаб, – отделение которого находилось в Березках, было в продаже большое количество всех необходимых продуктов: мясо, масло, яйца, молоко, мука, хлеб, рыба, консервы, кондитерские изделия, а также много одежды, но весьма плохого качества. Цены были гораздо ниже (иногда они составляли одну десятую) тех цен, по которым советские рабочие покупали подобные товары в своих магазинах. Теоретически никакие советские специалисты не были прикреплены к Инснабу, однако в действительности директор комбината и его заместители, а также секретарь городского партийного комитета, начальник ГПУ и полдюжины специалистов-заключенных были в списке обслуживающихся в Инснабе вместе с иностранцами. Число советских граждан, прикрепленных к этому магазину, постоянно увеличивалось до 1935 года, когда все магазины с ограниченным доступом были ликвидированы и специальное обслуживание иностранцев прекратилось.

Жизнь, которую вели люди в Березках, была весьма разнообразна и в большинстве случаев приближалась к западноевропейским стандартам. Итальянские специалисты угощали инснабовскими леденцами девушек из местных колхозов, летом ходили в степь за цветами, пели песни и пили имевшиеся в наличии грузинские вина. Американцы играли в покер, читали «Сэтерди Ивнинг Пост» и в свободное время пытались забыть, что они живут на невозделанной пустынной земле Сибири, вдали от своего дома, находящегося на другой стороне земного шара. Немцы обсуждали политику за коньяком, так как не было хорошего местного пива, и многие из них пытались наладить контакты с русскими специалистами и познакомиться с советскими рабочими и их жизнью.

Очень немногие из этих иностранных специалистов приехали сюда со своими семьями. У всех были двух- и трехкомнатные квартиры, и в целом они жили очень хорошо, хотя и страдали от холодов и отсутствия свежих фруктов и овощей. Оборванных татар и башкир из близлежащих колхозов, приходивших в Березки попрошайничать, радушно принимали и щедро одаривали, поэтому по возвращении домой те рассказывали невероятные истории о роскошной жизни иностранцев. Это отбивало охоту у мужского населения этих национальных меньшинств работать на предприятиях, к чему их призывало Советское правительство. Многие из них предпочитали жить милостыней, хотя работы было вполне достаточно для всех, и милиция²⁹ часто устраивала облавы, чтобы помешать здоровым и сильным, но не желающим работать мужчинам жить у своих друзей и родственников, где и так было полным-полно народа.

²⁹ Полиция. – Примеч. автора.

В 1933 году иностранцы начали уезжать домой на родину, и к 1936 году в Магнитогорске осталось только около полдюжины «валютных» специалистов. После их отъезда комнаты занимали молодые советские инженеры и такие административно-хозяйственные работники, как Сёмичкин и Шевченко. Лучшие специалисты-заключенные, например Тищенко, переехали в индивидуальные дома; автомобили, которые до этого находились в распоряжении иностранцев, также передали советским инженерам.

Взаимоотношения специалистов-заключенных с иностранцами были несколько напряженными. Первые боялись быть обвиненными в дружбе с иностранцами. Тем не менее что-то общее между ними все же существовало. Главный инженер-электрик всего комбината, по фамилии Тихомиров, неразговорчивый седой человек лет пятидесяти, который до революции работал на одну бельгийскую фирму, много путешествовал, побывал и учился во всех европейских странах, а теперь отбывал десятилетний срок за участие в деятельности промышленной партии в 1929 году, был в прекрасных отношениях со многими иностранцами, основанных на взаимном уважении. Тихомиров держался с огромным достоинством. Как и все русские, он не терпел никаких пренебрежительных замечаний в адрес своей страны или ее правительства. Хотя сам Тихомиров не был коммунистом, он, как правило, с большим знанием дела и убежденностью защищал политику, проводимую большевиками. Обо всем, что касалось его собственного прошлого, он хранил молчание. Однако несколько случайно оброненных им фраз дали мне возможность представить себе долгое судебное расследование, бесконечные допросы, многомесячное тюремное заключение после ареста за его деятельность в Промышленной партии и последовавшую в конце концов «административную ссылку» в Магнитогорск. На работе Тихомирова уважали и боялись. Его отдел был одним из наиболее организованных на комбинате. Несмотря на примитивные условия, отсутствие топлива и квалифицированных работников, никогда не случалось перебоев в энергоснабжении предприятия, а себестоимость электроэнергии была всегда ниже запланированной.

Тихомиров был большим другом Тищенко. Они вместе учились в Германии и вместе работали до войны. Теперь же, когда они так часто бывали вместе, их позиции по отношению к Советской власти стали противоположными. Тищенко был мрачен и замкнут, начисто лишен энтузиазма, безразличен. Это был сломленный человек, который не мог смириться и заставить себя работать как можно лучше на большевиков; к тому же он не видел смысла бороться против них. В 1929 году во время судебного расследования Тищенко отказывался подписывать признание до самого конца процесса, Тихомиров же иногда подтверждал, что подписал признание добровольно, предпочитая со всем этим покончить разом и быть либо расстрелянным, либо отправленным на работу, так как соглашался на все, что угодно, только не на бесчисленные допросы. Брешь в их отношениях увеличивалась. В конце концов кончилось тем, что Тищенко получил второй десятилетний срок заключения, а Тихомиров был амнистирован и награжден орденом Красного Знамени. Однако в 1933 году их положение было одинаковым. Они жили вместе со своими семьями в четырехкомнатных коттеджах, получали от двух до четырех тысяч рублей в месяц, имели автомобили, а по праздникам уезжали поохотиться в уральские леса, миль за семьдесят от дома. Они находились под надзором ГПУ и не имели права путешествовать без специального разрешения.

Я приходил навестить Андре в Березках. Он был великолепным шахматистом, и мы провели не один долгий вечер за его шахматной доской, поедая намазанные маслом бутерброды из хорошего инснатовского хлеба и потягивая грузинское вино.

Глава XIV

Соцгород, или, иначе, Социалистический город, проектировался в 1931 и 1932 годах под техническим руководством немецкого архитектора, доктора Эрнста Мэя. Отчасти из-за грубых промахов, допущенных Мэем, а отчасти из-за того, что рабочие-строители не смогли выполнить свою работу так, как это было запроектировано, Соцгород с самого начала представлял собой цепь ошибок. Его расположение на местности было таково, что преобладающие ветры несли сюда весь дым с комбината. Семьдесят с лишним жилых домов были монотонно однообразными и напоминали спичечные коробки, поставленные на одну из боковых граней и расположенные длинными рядами. Кроме того, строительство все время отставало от запланированного графика. Первый дом был заселен только в 1933 году. Качество работ было очень плохим. Крыши, равно как и водопроводные трубы, текли. Фундаменты проседали, стены давали трещины. Отсутствие различных строительных материалов имело самые абсурдные последствия. Например, приблизительно в двадцати домах не было электрического освещения в ваннных комнатах. Городская строительная организация была измучена тем, что все время разрывалась между необходимостью выполнения государственных планов и постоянной нехваткой материалов и рабочей силы.

Те счастливцы, которые переехали в дома Соцгорода сразу же после окончания их строительства, были в основном людьми, работавшими на производстве и в административно-хозяйственных отделах, а не строители. Около двухсот «не валютных» иностранцев одними из первых вселились в эти дома. Большинство из них составляли говорившие по-немецки квалифицированные рабочие, которые приехали в Советский Союз по контракту, но зарплату получали в советских рублях. Они сочувственно относились к советскому режиму и приехали сюда движимые – по крайней мере так они говорили – энтузиазмом и желанием полностью посвятить себя оказанию помощи в построении социализма. К ним относились хорошо, предоставили в их распоряжение отделение Инснаба и довольно приличное жилье. Многих иностранцев русские сильно переоценивали, и те бессовестно пользовались этим. Один чертежник-конструктор из Амстердама выдавал себя за известного голландского архитектора, у него было множество помощников-ассистентов и высокая зарплата; линейный монтер из Центральной Германии после того, как пересек советскую границу, превратился в инженера по электротехнике и работал на должности главного инженера-электрика одного из цехов. Тем не менее большинство рабочих-иностранцев действительно имели высокую квалификацию, они хорошо работали и помогали обучать многих молодых русских. Вплоть до 1934–1935 годов пропаганда последовательно и настойчиво убеждала советских рабочих учиться у иностранцев, овладевать немецкой и американской техникой. Возможно, завышенная оценка иностранцев в то время была даже к лучшему, так как советские рабочие были еще менее квалифицированы и пригодны для выполнения ответственных работ, чем иностранные псевдоспециалисты. Иностранцам, однако, сильно мешало незнание русского языка, который большинство из них так и не выучили, а поскольку учиться ему они не хотели, то постепенно были вытеснены молодыми советскими рабочими, окружавшими их; эти рабочие горели желанием учиться и работать денно и нощно. Такова была ситуация, вызвавшая в 1936 и 1937 годах столь сильную реакцию, что иностранцев увольняли с работы, понижали в должности, публично дискредитировали, отправляли домой, а иногда и арестовывали.

Глава XV

Таким был Магнитогорск в 1933 году. Четверть миллиона человеческих душ – коммунистов, кулаков, иностранцев, татар, осужденных саботажников и масса голубоглазых русских крестьян – строили самый большой сталелитейный комбинат в Европе посреди голой уральской степи. Деньги текли как песок сквозь пальцы, люди замерзали, голодали и страдали, но строительство продолжалось в атмосфере равнодушия к отдельной человеческой личности и массового героизма, аналог которому трудно отыскать в истории.

Часть IV

Путешествие по уральской крепости Сталина

Глава I

В середине лета я получил свой ежегодный отпуск, составлявший двадцать пять дней, к которому добавилось еще десять дней отгулов за сверхурочную работу. Мои попытки достать путевку в дом отдыха на Черноморском побережье не увенчались успехом. Я уже придумывал, чем бы заняться, когда товарищ Черри, работник городского комитета партии, ответственный за проведение политической работы с иностранцами, уговорил меня на несколько дней поехать в близлежащий совхоз, чтобы помочь отремонтировать трактора.

Четырнадцать человек – все немцы и австрийцы, кроме меня – отправились на однотонном грузовике, предоставленном нам администрацией завода, вооружившись наборами инструментов и двумя дробовиками на тот случай, если вдруг нам встретятся кролики или какая-нибудь дичь. Вместе с нами поехали также Черри и директор совхоза Петров, который пробыл в Магнитогорске неделю или больше, пытаясь найти кого-нибудь, кто бы мог починить его трактора, а заодно и выбить из заводского отдела снабжения бензин, шины и кое-что еще, что было ему крайне необходимо.

Петров разговаривал всю дорогу, пока мы, наконец, не приехали в его хозяйство, которое было организовано год назад для того, чтобы постараться создать местную базу для снабжения Магнитогорска овощами и зерном. Администрация предприятия выделила на это средства. В Москве Орджоникидзе дал указания, чтобы предоставили технику, семена и строительные материалы. «Фактически, – сказал Петров, – было продумано все, кроме одного: откуда взять хорошую плодородную землю и где найти людей, которые будут на ней работать».

Оказалось, почти невозможным вырастить что-либо на этой земле, настолько тонок был верхний слой почвы и так незначительно количество осадков. Все грузы приходилось доставлять на грузовиках, и даже в ближайшие десять лет не намечалось никакого строительства железной дороги. Но пока можно было достать бензин и шины, такой способ транспортировки был вполне приемлем.

Петров жаловался главным образом на то, что не может найти опытных, квалифицированных людей, которые могли бы приехать и работать в его хозяйстве. Он уже дважды выделял ставки для механиков и трактористов, но никто так и не заинтересовался этим делом.

Мы приехали в хозяйство в середине дня. Солнце, похожее на электрическую дугу, палило нещадно. Казалось, что оно висит всего лишь в нескольких футах над нашими головами. В такое пекло, как там, я попадал только в Багдаде.

Мы вылезли из кузова и начали осматривать совхоз. Хозяйство Петрова располагалось на безымянном участке земли в середине долины реки Урал. Места было предостаточно. Он мог делать с ним все, что его душе было угодно. Местность была ровной, камней не было, и земля хозяйства простиралась до самого горизонта. Но поверхностный слой почвы был очень тонок.

Вокруг колодца располагалось несколько зданий. Здесь был магазин, полки которого практически пустовали, административное здание, большое общежитие и здание, где размещались клуб и столовая. Коровник и другие хозяйственные постройки находились немного дальше, у реки. Большая часть техники и оборудования стояла прямо под открытым небом. Мы увидели все это еще до того, как вылезли из грузовика. Не хватило стройматериалов, чтобы построить еще одно здание – склад для хранения машин и техники. «Коровы и люди погибнут, если у них зимой не будет крыши над головой, а техника – нет», – сказал Петров.

Нас очень хорошо покормили – это был лучший мой обед за много-много месяцев. После этого мы отправились на работу. Дюжина молодых людей с открытыми лицами повели нас осматривать трактора. Я вспоминаю, сколько энтузиазма было у одного из этих юношей. «Давайте сначала отремонтируем вот этот трактор», – сказал он и потащил нас к краю поля, на котором виднелись неровные островки всходов пшеницы; тут же, безнадежно уткнувшись в маленькую кочку, стоял накренившийся на один бок трактор. Мы спросили его, почему так срочно надо починить именно эту машину.

Он улыбнулся. «Очень хороший трактор», – сказал он, указывая на отверстие наверху радиатора, рядом с крышкой.

Мы ничего не поняли, к вящему разочарованию тракториста. «Как же это так – иностранцы, такие высококвалифицированные специалисты – и не могут понять, для чего нужна эта дырка?» – спросил он вполголоса, обращаясь к одному из местных парней. Потом он снова повернулся к нам: «Да это же замечательная вещь, картошку в ней варим. Даже две или три сразу. Мы раньше всегда спорили, кто будет работать на этом тракторе. А потом решили: кто перевыполнит норму, тот и будет на нем работать».

Из двенадцати тракторов работало только три. Все остальные были испорчены и разваливались на части, одни машины больше, другие – меньше. У некоторых треснули колодки, была сорвана резьба в коробке передач, прогорели вкладыши. Другие были просто не отрегулированы, или же на свечах образовался нагар из-за того, что использовалось топливо плохого качества. К концу третьего дня мы смогли привести девять тракторов в рабочее состояние. Для этого пришлось почти полностью разобрать на запчасти остальные три. Я помню лицо Петрова, когда мы показали ему кучу хлама, в которую превратились эти три трактора. Держать машины и технику под открытым небом, в пыли и в снегу круглый год – это было для него вполне нормальным явлением. Но разобрать на части трактор, да так, что его потом и найти невозможно, – вот это было уже опасно. А что, если придет кто-нибудь из контрольной комиссии и захочет взглянуть на эти двенадцать тракторов. Что тогда?

Мы бы, конечно, занялись и другим оборудованием и техникой в этом хозяйстве, если бы немецких механиков срочно не вызвали обратно в Магнитогорск, где их присутствие было необходимо. Петров неохотно разрешил нам уехать. Перед отъездом мы провели небольшое занятие с людьми, работавшими в этом хозяйстве, абсолютными новичками в этом деле. Половину составляли русские, а другую половину – башкиры и татары. До того, как они приехали работать в это хозяйство, они никогда не видели ни машин, ни оборудования. Их обучили тому, что если нажать на педаль, то трактор поедет. Их техническое образование этим и ограничивалось. Такие слова, как «смазка» и «регулирование зажигания», были им непонятны. Мы попытались объяснить им некоторые элементарные вещи, но боюсь, что они поняли крайне мало из всего того, что мы им рассказали.

Кроме этих деревенских парней «от сохи», в колхозе работали также агроном, несколько якобы опытных крестьян и один механик. Этот последний старался не попадаться нам на глаза. Другие же были очень заняты и не нашли времени, чтобы присутствовать на нашем занятии по уходу за техникой.

Несколько забегаю вперед, хочу сказать, что я приезжал в это же хозяйство четыре года спустя и обнаружил поразительные перемены. Петрова там уже не было, но несколько татар-трактористов все еще работали и с гордостью показали мне новое, только что выстроенное здание, где стояло очень много тракторов, о которых, по всей видимости, довольно хорошо заботились. Они сами стали отличными механиками, и почти вся имевшаяся в наличии техника была в полном порядке.

Само хозяйство выглядело процветающим. Одно из полей, на котором выращивали капусту, занимало площадь, должно быть, не менее ста акров. Посадки картофеля и посевы зерновых культур выглядели достаточно хорошо. Домашний скот был лучше, чем где бы то ни было

еще в России. Это Петров поставил совхоз на ноги. Если бы вокруг Магнитогорска можно было создать разветвленную сеть таких хозяйств, то город полностью снабжался бы овощами и молочными продуктами местного производства, и, таким образом, была бы решена одна из сложных проблем, с которыми сталкивалась администрация предприятий.

Я начал спрашивать, что случилось с Петровым, но люди отводили глаза и ничего не отвечали. Когда я все же попробовал добиться ответа на свой вопрос, то новый директор отвел меня в сторону и рассказал, что ко всеобщему изумлению, приблизительно месяц назад приехала машина из ГПУ и Петрова увезли. Единственная информация, которую они смогли получить, была следующая: «Он некоторое время будет отсутствовать».

«Я представляю, что это может быть, – сказал новый директор. – Однажды Петров мне рассказывал, что когда он был еще комсомольцем, то во фракционной борьбе он принял сторону Зиновьева».

Глава II

Вернувшись в Магнитогорск, я отправился пообедать в новый ресторан Инснаба и там встретил своего соотечественника-американца, промышленного химика из Нью-Йорка. Майку было под сорок, и он работал в научно-исследовательских лабораториях Восточного металлургического треста в Свердловске, центральном городе Урала, находящемся приблизительно в 300 милях к северу от Магнитогорска. Он уехал из Америки в 1931 году при неясных обстоятельствах. Как я понял, ему еле-еле удалось унести ноги от полиции. Он рассказал, что они с женой устроились на новом месте очень хорошо и он подумывает о том, чтобы принять советское гражданство.

Майк приехал в Магнитогорск по делам – в «командировку», чтобы осмотреть новые лаборатории при мартеновском цехе. Он провел одно-два совещания с главным инженером-химиком завода, осмотрел новые лаборатории, а затем четыре дня ждал билета на поезд, чтобы вернуться в Свердловск и сообщить о результатах осмотра. Это время мы провели вместе, осматривая Магнитогорск, побродили вокруг шахты, где добывали железную руду, а потом купались в искусственном озере, которое уже было около пяти миль в длину и столько же в глубину.

Майк предложил мне поехать вместе с ним, чтобы посмотреть Свердловск. Я согласился, и он заказал два билета вместо одного. В один нестерпимо жаркий день мы начали свое 38-часовое путешествие в столицу Уральского района.

Майк был иностранным специалистом, консультантом и поэтому, когда отправлялся в командировку, пользовался всегда только самым лучшим. У нас было купе на двоих, и мы коротали время, читая новые американские книги, которые оказались у Майка в чемодане.

Поезд со стуком несся по рельсам со своей обычной скоростью 15–20 миль в час по однопутной железной дороге Магнитогорск – Карталы, построенной в степи три года назад практически без балластного слоя. По обеим сторонам дороги ничего не было видно, кроме голых пологих холмов. Мы оба задремали, а когда проснулись, солнце уже садилось, поезд стоял, и мы услышали, как все пассажиры начали выходить из вагонов. Оказалось, что немного дальше на линии произошла катастрофа и дорога была заблокирована.

Мы тоже выбежали из вагона и увидели, что в четверти мили от нас потерпел крушение товарный поезд. Около полдюжины вагонов лежали опрокинутыми рядом с путями, а паровоз – на боку в большой яме прямо посередине железнодорожного полотна. Несколько сотен пассажиров из нашего поезда столпились вокруг, изумленно разглядывая все это.

Катастрофа произошла в самом конце наклонного участка пути. Сначала я подумал, что кто-то взорвал рельсы и в результате этого взрыва образовалась та воронка, в которой лежал паровоз. Но Майк, имевший некоторый опыт в таких вопросах, сразу же понял, что произошло на самом деле. Товарный поезд шел на довольно большой скорости, а в конце наклонного участка дороги песчаная насыпь несколько осела и рельсы разошлись на стыке. В результате паровоз сошел с рельсов и вырыл глубокую воронку в земле, а первые полдюжины вагонов наехали друг на друга.

Первыми на место катастрофы, происшедшей на расстоянии десяти миль от ближайшей станции, прибыли на грузовике внутренние войска ГПУ, вооруженные штыками. Их прислали, чтобы предотвратить разграбление поезда. Солдаты встали вокруг поврежденных товарных вагонов, из некоторых вывалились различные товары, которые теперь лежали разбросанные по степи.

Следом за войсками ГПУ прибыла бригада железнодорожных рабочих этого участка пути в специальном ремонтном поезде. Они привезли полдюжины рельсов, какое-то примитивное оборудование и несколько шпал. Бригадир, грубоватый добродушный парень, молодой,

но достаточно опытный, оценил обстановку и начал рассуждать вслух: «Самое простое, что можно сделать, – это проложить путь в обход паровоза». И он махнул рукой в сторону искореженного локомотива, лежащего посреди погнутых рельсов и кусков металла. «Мы не сможем вытащить его из этой ямы без крана, а кран смогут доставить сюда еще черт знает когда». «Хорошая мысль», – сразу же отозвались несколько авторитетно выглядевших солидных пассажиров. «Но, конечно, это только временное решение». «Ну, конечно», – сказал бригадир, и сразу же принялся за работу. Убрали погнутые рельсы, и дюжина мужчин взялись переносить и складывать то, что осталось от товарных вагонов, с одной стороны, от паровоза. Затем собралась вся бригада, и, общими усилиями очистив от песка один участок рельсового пути, они попытались оттащить его в сторону. Он едва сдвинулся с места.

«Давайте, товарищи, – крикнул бригадир пассажирам нашего поезда, – все вместе возьмемся за дело, а то вы будете целую неделю здесь сидеть». Несколько десятков пассажиров присоединились к работающим. Ломов не хватало на всех, поэтому многие просто ухватились за рельсы руками, и через десять минут один рельсовый участок пути уже был передвинут на довольно большое расстояние от паровоза. К полуночи перетащили и второй, оба они были установлены на подготовленной насыпи, и бригадир приказал своим рабочим отрезать два куска рельсов нужной длины, чтобы соединить два рельсовых участка пути на новом полотне дороги. Полдюжины человек взяли две пилы и принялись за дело. Они работали по очереди целый час, но смогли распилить рельсу лишь до половины. Я дотронулся до одной пилы и обнаружил, что на ней почти не осталось зубьев. Но к тому времени новое полотно дороги уже было практически готово, шпалы уложены и оставалось только поставить на место эти два куска рельсов различной длины, чтобы соединить участки пути. Тут мы с Майком решили пойти спать, предоставив доделывать оставшуюся часть ремонтных работ более опытной в этих делах бригаде.

Мы проснулись в пять утра. Уже светило солнце, и наш поезд медленно двигался. Из окна своего купе мы увидели, как рабочий поезд уезжал в противоположную сторону – обратно в Челябинск, в то время как мы со скоростью около двух миль в час ехали вдоль места катастрофы. Если бы мы высунули руку из окошка, то могли бы дотронуться до лежащего паровоза. Затем наш поезд стал двигаться быстрее и мы доехали до следующей станции (мне кажется, она называлась Джабик³⁰) уже с обычной скоростью. Здесь поезд остановился на полчаса, и пассажиры побежали на станцию, чтобы купить что-нибудь поесть. Но там не оказалось ни крошки съестного.

Из-за катастрофы поезд, шедший в Магнитогорск, простоял здесь всю прошлую ночь, и его пассажиры скупили все, что было. Были проданы даже консервированные «коммерческие» крабы, маленькая баночка которых стоила девять или десять рублей. Майк и я с удовольствием жевали хлеб, купленный нами в Инснабе, и ждали отхода поезда.

Но двигались мы очень медленно. Из-за катастрофы нарушилось расписание поездов, и мы прибыли в Свердловск с опозданием приблизительно на двадцать часов.

Железнодорожная линия, по которой мы ехали, была страшно перегружена. Новый участок дороги на песчаной насыпи мог выдержать и пропустить только несколько поездов в день. Но надо было вывозить из Магнитогорска железо и сталь, и необходимо было каждый день доставлять в Магнитогорск различные стройматериалы и запасы продовольствия. Эта линия пропускала обычно более тридцати составов в день. Инженер-железнодорожник, ехавший в нашем поезде, рассказал, что такие катастрофы, какую видели мы, происходят довольно часто и что они неизбежны, когда столь интенсивно используется новая линия с песчаной насыпью.

Приехав в Свердловск, мы пошли к Майку. Я был поражен. Он жил в огромном каменном доме, где у него была квартира, состоявшая из четырех комнат и большой кухни; там были

³⁰ Тюбук (?). – Примеч. переводчика.

и водопровод, и центральное отопление, и все удобства, какие только можно было пожелать. В его доме был даже лифт, однако он никогда не работал. До этого я даже представить себе не мог, что в Советском Союзе где-нибудь еще, кроме Москвы, есть такие жилые дома. Жена Майка накормила нас великолепным обедом, мы приняли ванну, и впервые за целый год я лег спать в постель, застеленную чистым бельем.

Глава III

Я прожил в Свердловске неделю. Инженеры, с которыми меня познакомил Майк, провели меня на Уральский завод тяжелого машиностроения, расположенный рядом с городом. Это был лучший завод, который мне когда-либо доводилось видеть. Там был прекрасный первый механический цех. В здании длиной в целую милю находилось лучшее американское, английское и немецкое оборудование. Этот цех был оснащен и укомплектован лучше, чем любой цех «Дженерал электрик» в Шенектади. Там стояли два огромных токарных станка, на которых пока еще не работали. Я не мог понять, что будут производить с помощью этих станков, каждый из которых был длиной с целый паром. Позже я узнал, что они предназначены для обработки орудийных стволов.

На заводе был также и прекрасный литейный цех, полностью механизированный, построенный и оснащенный новейшим оборудованием по американским стандартам.

Уральский завод тяжелого машиностроения был, как и Магнитогорск, детищем первой пятилетки. Уже тогда он был оборудован таким образом, что мог выпускать прокатные станы, турбины и другую продукцию тяжелой промышленности. С 1936 года здесь начали строить подводные лодки, которые затем доставлялись в районы Тихого океана, Черного и Балтийского морей, находившиеся за тысячи миль отсюда.

В Свердловске снабжение было налажено лучше, чем в Магнитогорске. Деревни и сельские хозяйства, расположенные вокруг Свердловска, доставляли в город овощи и молочные продукты. Жизнь здесь шла более или менее нормально. Сверхурочно работали только в исключительных случаях. В Магнитогорске же сверхурочная работа была правилом. Здесь были театры, и я посмотрел балет, который мне очень понравился. Большинство семей размещалось в домах или в квартирах, в то время как в Магнитогорске многие жили в палатках или в бараках.

Я побывал в доме, где в 1918 году последний царь и его семья были расстреляны стрелками-красногвардейцами. Это здание, которое раньше было жилым домом, теперь превращено в музей. Экскурсоводы показывают посетителям комнату в погребе, где расстреляли свергнутого самодержца. Я видел в стене этого погреба дырки от пуль: колчаковские солдаты, взявшие город в скором времени после казни Николая, выковыривали из стен свинец и брали себе на память.

В Свердловске я вел более приятную жизнь, чем та, к которой я привык в Магнитогорске, и у меня появилось искушение остаться здесь и устроиться на работу на большой новый завод Уралмаш, произведший на меня огромное впечатление. Но я не поддался этому искушению отчасти потому, что подписал контракт, обязывавший меня оставаться в Магнитогорске до тех пор, пока не будут пущены в строй четыре доменные печи. Прожив у Майка и его жены неделю, я отправился обратно, домой.

У меня еще оставались деньги, и я решил лететь самолетом. Каждое утро из Свердловска вылетали два маленьких самолета местной авиалинии: один – в Челябинск, а другой – в Магнитогорск. Я пошел в центральную билетную кассу и попытался достать авиабилет за несколько дней вперед. Там мне сказали, что им не разрешено бронировать билеты заранее, так как в последнюю минуту всегда появляются партийные или правительственные работники и требуют предоставить им места на самолет, но если я приеду в аэропорт утром, то почти наверняка смогу получить билет за несколько минут до вылета.

Поэтому я упаковал в маленький чемоданчик свою рубашку, носовые платки, запас еды на несколько дней и, поблагодарив Майка и его жену и попрощавшись с ними, отправился в путь. Самолеты вылетали в пять часов утра, и я боялся, что не смогу добраться до аэропорта к

такому раннему часу, поэтому сел на трамвай и поехал туда накануне вечером. Ночь я провел в аэропорту.

В те дни наивности и простодушия еще можно было побродить по советским аэропортам, посмотреть на самолеты и поговорить с летчиками; пять лет спустя все аэродромы Советского Союза были обнесены колючей проволокой и входить туда разрешалось за несколько минут до вылета того самолета, на который был куплен ваш билет.

Свердловский аэропорт находился приблизительно в шести милях от города, посередине прекрасного соснового бора. Ангары, уютно расположившиеся среди деревьев, размещались прямо рядом с летным полем, большим и прекрасно ухоженным. Когда мы вошли на территорию аэропорта, казалось, что мы попали в совершенно другой мир. Здесь везде царил порядок. За оборудованием хорошо следили. Механики и пилоты, даже буфетчицы и уборщицы были одеты и питались лучше, чем средний квалифицированный рабочий в Магнитогорске или Свердловске.

Я пошел в зал ожидания и зарегистрировал свой чемодан, потом заказал себе стакан чаю и разговорился с двумя людьми, которые так же, как и я, приехали заранее в аэропорт, надеясь получить билет на самолет, вылетающий следующим утром. К полуночи нас уже было человек двенадцать; некоторые ждали возможности улететь в Москву или Новосибирск на больших самолетах авиалинии, связывавшей восточные и западные районы Советского Союза³¹; другие надеялись достать билет на маленькие самолеты в Магнитогорск и Челябинск, рассчитанные на четырех пассажиров. У всех, кроме меня, были бумаги от их учреждений или предприятий, в которых говорилось, что они едут в командировку, и доводилось до сведения всех официальных лиц, работающих на транспорте, что необходимо содействовать скорейшему прибытию этих людей к месту назначения. Эти командировочные бумаги были очень полезными документами, и после поездки я всегда получал внушительную бумагу, подписывал ее у Семичкина и ставил на нее печать треста по строительству доменных печей.

Вскоре после двенадцати часов ночи к нам присоединились человек шесть летчиков. Это были чисто выбритые, подтянутые, приятные люди, опрятно одетые в форму Гражданского воздушного флота; было видно, что питались они хорошо. Они являли собой разительный контраст с теми, кого можно было встретить на улицах – в большинстве своем небритых, неряшливо одетых, а часто и просто грязных, голодных людей.

Я разговорился с двумя летчиками и, к своему удивлению, узнал, что они получают от 500 до 1000 рублей в месяц и что их магазин почти ни в чем не уступает Инснабу. Они прошли военную подготовку и были военными летчиками запаса, готовыми в любой момент занять место в строю своих военно-воздушных корпусов.

Немного поколебавшись, они повели меня взглянуть на некоторые самолеты и технику. Так как я неспециалист в этой области, то не могу много рассказать о самих самолетах. Однако я понял, что все механики имели полный набор тщательно подобранных простых слесарных инструментов, многие из которых были закуплены за границей; инструменты содержались в полном порядке. Это, конечно, считалось бы вполне обычным явлением в Америке и в Западной Европе, но в России в начале тридцатых годов почти ни на одном промышленном предприятии, ни в одной транспортной организации не было хороших слесарных ручных инструментов – о чем, например, свидетельствовала пила, которую я видел во время работ на месте крушения поезда.

³¹ В тексте дословно «самолеты авиалинии Восток—Запад», – Примеч. переводчика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.